
ХИЛ,
КОТОРЫЙ НИКОГДА
НЕ СДАЁТСЯ
ТОМ 1

Роман Эйверн

Хил, который никогда не сдается

«Автор»
2026

Эйверн Р.

Хил, который никогда не сдается / Р. Эйверн — «Автор», 2026

Филу восемнадцать, и его мечта проста — стать настоящим целителем. Не великим боевым магом и не прославленным героем, а человеком, способным спасать жизни. Но обучение в магической академии оказывается куда сложнее, чем он представлял.Строгие наставники, сложные занятия, опасные пациенты и первые ошибки заставляют Фила быстро взрослеть. Здесь мало обладать даром исцеления — нужно принимать решения, когда каждая секунда может стоить человеку жизни.Всё меняется после попытки спасти Крауса. Фил сталкивается с загадочной силой, связанной со смертью, и понимает, что привычная магия скрывает гораздо больше тайн, чем кажется.Впереди новые друзья, опасные открытия, тяжёлые испытания и выбор между правилами академии и спасением человека.Сможет ли начинающий целитель преодолеть собственные страхи и не потерять себя? **Ведь настоящий хил — не тот, кто никогда не ошибается, а тот, кто никогда не сдаётся.**

© Эйверн Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пациент, которого не следовало трогать 5
Глава 2. Когда любопытство сильнее здравого смысла 12
Глава 3. Цена одного неправильного решения 21
Глава 4. Мёртвые не должны отвечать 30
Глава 5. У каждого свои скелеты в шкафу 41
Глава 6. Три человека и одна очень мёртвая мышь 53
Глава 7. У мёртвых тоже бывают секреты 64
Глава 8. Следы на пустых страницах 74
Глава 9. Искусство задавать неправильные вопросы 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Роман Эйверн
Хил, который никогда не сдается

Глава 1. Пациент, которого не следовало трогать

В академической лечебнице существовало три правила, которые Филларион Майнис нарушал с завидным постоянством. Их повторяли каждому ученику в первый день практики, выводили на доске в учебной аудитории и даже вывесили на двери комнаты для настоев. Впрочем, когда по ночам в вентиляционных шахтах гудели защитные руны, в подвалах булькали зелья, а из палат доносились крики пострадавших студентов, правила вспоминались с трудом. Особенно после третьего дежурства подряд.

Первое правило запрещало спорить со старшими лекарями, второе — пытаться лечить то, чего не понимаешь, а третье — засыпать в помещении для приготовления целебных настоев. Как назло, именно третье нарушить было проще всего: там хотя бы стоял удобный стул.

Третье правило Фил нарушил примерно пять минут назад и теперь очень надеялся, что никто этого не заметит.

— Майнис!

От окрика Фил дёрнулся, успев за одно мгновение вообразить пожар в лаборатории и новый вызов к обожжённому студенту. Лишь затем он узнал голос наставника.

Чашка с давно остывшим чаем опасно качнулась у его локтя. В маленькой комнате для приготовления настоев пахло мятой, горькими кореньями и нагретой медью; на длинном рабочем столе теснились ступки, мерные ложки и подписанные склянки. За узким окном серел ранний свет, от которого хотелось спать ещё сильнее.

— Я не сплю!

— Разумеется, — сухо произнёс стоявший в дверях мужчина. — Ты просто изучаешь внутреннюю поверхность собственных век.

Старший лекарь академии стоял на пороге, скрестив руки на груди. От его взгляда студенты обычно начинали припоминать даже те проступки, о которых наставник ещё не успел узнать.

Фил поспешно выпрямился, почувствовав, как болезненно потянуло между лопатками. Он попытался спрятать под столом дрожащие от усталости пальцы, однако по выражению лица наставника сразу понял, что тот уже всё заметил.

— Я закончил обработку инструментов, проверил запасы зелий и подготовил перевязочную.

— Прекрасно. Значит, теперь ты можешь заняться чем-нибудь полезным.

— Например, поспать?

— Например, проверить пациентов западного крыла.

Фил тяжело вздохнул.

— А поспать?

— Когда умрёшь.

— Обнадёживает.

— И то если я разрешу.

Когда за наставником закрылась дверь, Фил размял затёкшую шею и поднялся. Судя по всему, спорить с судьбой сегодня было столь же бесполезно, как просить у старшего лекаря выходной.

Восемнадцать лет — прекрасный возраст, чтобы совершать глупости, влюбляться, мечтать о приключениях и наслаждаться жизнью. По крайней мере, так утверждали книги, которые Филу удавалось читать лишь урывками между дежурствами.

Сам Фил за последние трое суток успел поспать часов семь, обработать две дюжины ран, трижды обжечь пальцы целебным раствором и однажды получить по голове от пациента, которого пытался спасти.

Позже тот пациент даже извинился — правда, лишь после того, как Фил отказался приносить ему ужин.

Фил кое-как пригладил светлые волосы, надел чистый лекарский передник и вышел в коридор. Прохлада каменных стен прогнала остатки сна лучше любого бодрящего настоя.

Академическая лечебница занимала отдельное четырёхэтажное каменное здание на территории Королевской магической академии. Два внутренних двора обеспечивали светом нижние этажи, а широкие коридоры соединяли палаты, лабораторию и помещения для восстановления магических резервов. В наиболее сложных случаях лекарям помогали диагностические артефакты: их слабое свечение можно было заметить даже сквозь неплотно прикрытые двери.

Говорили, что искуснее местных специалистов лечит только личный лекарь Его Величества. Фил не знал, насколько справедливо это сравнение, зато подозревал, что королевскому лекарю хотя бы позволяют спать по ночам.

Западное крыло обычно отводили студентам, преподавателям и сотрудникам академии. Здесь пахло чистым бельём и свежей водой, а вдоль стен стояли скамьи для посетителей. Сегодня коридор казался непривычно тихим: за закрытыми дверями не слышалось ни привычных жалоб, ни споров о том, кто виноват в очередном неудачном заклинании.

В первой палате студент со сломанной рукой спал под мерцающим охранным знаком, отслеживавшим жар. Во второй под потолком вращался воздушный фильтр: после неудачного эксперимента пациента всё ещё мучил кашель. У третьей двери дежурная сестра прикрепила табличку: «Пациенту запрещены любые пари».

Лежавший за ней молодой боевой маг обжёг обе ноги, пытаясь доказать товарищам, что способен ходить по раскалённым углям. Фил проверил повязки и подумал, что табличку стоило повесить ещё до госпитализации.

Способность он доказал — правда, лишь на несколько шагов. Затем угли оказались горячее, чем его самоуверенность.

Фил закончил осмотр, внёс записи в журнал и направился к следующей двери. По пути ему пришлось придержать за локоть студента, который вышел из соседней палаты на негнущихся ногах. На рукаве у того темнело пятно от целебного раствора, а на лице застыло выражение человека, впервые услышавшего стоимость собственного лечения.

— Осторожнее, — сказал Фил, возвращая ему равновесие. — Перила справа. И никаких тренировок до разрешения лекаря.

Студент кивнул, но Фил не успел проверить, насколько серьёзно тот воспринял совет: впереди что-то с грохотом ударилось о пол.

Из-за следующей двери донёсся скрежет, будто кто-то тащил по каменному полу тяжёлую мебель. Следом грохнул удар, и по коридору прокатилось короткое, весьма выразительное ругательство.

Фил замер. Чернильница в кармане передника стукнулась о журнал; за дверью кто-то тяжело дышал. Если пациент упал, медлить было нельзя.

На двери висела табличка:

«Краус фон Штайн. Магическая изоляция. Наблюдение».

Он нахмурился.

Имя было знакомым: бывший королевский инквизитор, граф, паладин и преподаватель боевой подготовки. Студенты рассказывали о нём столько историй, что по меньшей мере половина наверняка была выдумкой.

По одной версии, он в одиночку остановил отряд разбойников, по другой — победил демона. Третья история гласила, что однажды он поставил неудовлетворительную оценку сыну герцога, а затем предложил возмущённому отцу тоже сдать экзамен. Последняя история казалась Филу наиболее правдоподобной.

Из палаты снова донёсся удар, и над дверью сухо щёлкнула защитная руна. Фил знал, что магическая изоляция удерживает опасные выбросы внутри помещения, а иногда защищает пациента от воздействия извне. Открывать такую дверь без разрешения было нельзя.

Фил уже поднял руку, чтобы открыть дверь, но вовремя вспомнил о табличке с предупреждением об изоляции. Вместо этого он постучал костяшками пальцев — громче, чем собирался.

— Господин фон Штайн? С вами всё в порядке?

— Великолепно.

Голос был низким, хрипловатым и совершенно неубедительным.

— Я услышал шум.

— Это мебель.

— Мебель?

— Она проиграла.

Фил помедлил.

— Можно войти?

— Если не собираешься читать мне лекцию о необходимости отдыха.

— Не собираюсь.

— Тогда заходи.

Фил осторожно нажал на ручку. Из палаты потянуло резким лекарственным запахом; где-то в глубине комнаты человек тяжело выдохнул.

В небольшой палате стояли только кровать, шкаф и столик с нетронутым кувшином воды. Плотные шторы отгораживали комнату от утреннего света. На полу валялся опрокинутый стул; одна из его ножек оставила длинную белёсую царапину, а у кровати сбилась в ком простыня. Изоляционные знаки на стенах светились тускло, хотя один из них вспыхивал чаще остальных.

У стены стоял высокий мужчина лет двадцати семи. Одной рукой он держался за каменный выступ, словно только эта опора не позволяла ему упасть.

И лишь затем Фил заметил кровь на его губах.

Сонливость исчезла. Краус с трудом переносил вес с одной ноги на другую, и Фил невольно оценил расстояние между ними: успеет ли он подхватить пациента, если тот потеряет равновесие?

— Вам плохо?

— Нет, я просто решил немного украсить пол.

Мужчина вытер губы тыльной стороной ладони.

У Крауса было болезненно бледное лицо с резко очерченными скулами и тёмными тенями под глазами. Даже ослабев, он старался держать спину прямо — привычка человека, который годами носил доспехи и привык не показывать боль. Но пальцы на стене побелели от усилия.

— Вам нужно лечь, — сказал Фил. Он намеренно говорил ровно, хотя в голове уже складывалась тревожная последовательность: кровь, нарушение равновесия, возможный магический приступ. Если Краус потеряет сознание, одному ученику не удержать его и одновременно не нарушить защитный контур.

— А тебе нужно научиться не повторять очевидное.

— Справедливо.

Фил приблизился, осторожно поднял стул и поставил его возле кровати.

— Я Филларион Майнис. Ученик лекаря.

— Краус фон Штайн.

— Я знаю.

— Тогда зачем представился?

— Вежливость.

— Опасная привычка. В некоторых местах за неё бьют.

— В лечебнице тоже?

— Зависит от лекаря.

Фил улыбнулся.

Краус посмотрел на него с подозрением.

— Ты всегда такой жизнерадостный?

— Только когда не выспался.

— То есть постоянно.

— Практически.

Краус хотел что-то ответить, но внезапно замер. Его пальцы судорожно сжались на спинке стула, и дерево жалобно скрипнуло.

Фил почувствовал, как по коже пробежал холодок: магическое поле в палате дрогнуло, будто невидимую ткань резко натянули и отпустили. Краус попытался сделать шаг к кровати, но колено подогнулось. Он тяжело опустился на матрас и вцепился в его край.

Лицо исказила боль. Фил машинально подался вперёд, готовый подхватить его, однако остановился, заметив, как напряжённо застыл пациент.

— Господин фон Штайн?

— Не подходи.

Фил остановился.

Краус тяжело дышал.

Под тканью его рубашки на правом плече проступили тёмные, похожие на тонкие трещины линии. Фил видел подобное впервые.

— Я позову старшего лекаря.

— Он знает.

— Но вам становится хуже.

— Я заметил.

Краус попытался усмехнуться, однако новая волна боли заставила его стиснуть зубы. Фил машинально потянулся к собственному магическому резерву.

Целительская магия отозвалась привычным теплом возле сердца. Сила стремилась по знакомым каналам к ладоням, обещая простое решение: приложить руки, выровнять поток, убрать боль. Но тёмные прожилки на плече Крауса двигались навстречу этому теплу, словно реагировали на само намерение вмешаться. Фил почувствовал, как пересохло во рту, и остановил движение.

Не лечить то, чего не понимаешь.

Второе правило.

Фил посмотрел на мужчину.

На напряжённые пальцы, едва заметную дрожь и тёмные линии, которые медленно исчезали под кожей.

— Позвольте хотя бы проверить ваше состояние.

— Ты слышал, что я сказал?

— Да. Вы не хотите, чтобы я подходил во время приступа.

Краус приоткрыл глаза.

— А ты всё равно стоишь рядом.

— На безопасном расстоянии.

— Ты даже не знаешь, какое расстояние безопасно.

Фил не нашёлся что ответить.

Это было правдой.

Фил отступил к двери, не сводя взгляда с Крауса. Тёмные линии под кожей исчезали, но дыхание мужчины оставалось рваным. Фил отметил про себя частоту приступов, направление распространения отметин и то, что боль усилилась при попытке встать. Эти наблюдения он сможет передать старшему лекарю; действовать наугад сейчас было бы опаснее, чем промедлить несколько секунд. Дверная ручка оказалась у него за спиной; он нащупал её ладонью, стараясь не делать резких движений.

— Тогда я приведу старшего лекаря.

Краус не возразил.

И именно это напугало Фила сильнее всего. Он выскочил в коридор, едва не столкнулся с помощником, нёсшим поднос с чистыми бинтами, и, извинившись на ходу, поспешил к посту дежурного.

Старший лекарь появился через несколько минут. Пока Фил ждал его, коридор растянулся в бесконечную череду дверей. Дежурный помощник уже принёс переносные ширмы и освободил проход, а Фил дважды повторил про себя симптомы, чтобы не перепутать ни одной детали. Ему хотелось вернуться в палату, но он понимал: сейчас полезнее быть точным свидетелем, чем ещё одной парой беспомощных рук.

За ним следовали двое помощников с диагностическим артефактом — массивной серебряной рамой, внутри которой вращались тонкие хрустальные кольца.

— Что произошло? — спросил он.

Фил быстро перечислил симптомы. Старший лекарь выслушал, осмотрел пациента и приказал установить артефакт возле кровати.

Краус молча наблюдал за приготовлениями.

— Снова будем любоваться моими внутренностями? — поинтересовался он.

— Только магическими, — ответил лекарь.

— Какая жалость. Я уже начал надеяться, что вы найдёте у меня совесть.

— Для этого понадобился бы артефакт куда мощнее.

Фил едва удержался от улыбки. Старший лекарь коснулся центрального кристалла.

Кольца пришли в движение — сперва медленно, затем всё быстрее. Хрусталь негромко зазвенел; отражённые блики поползли по потолку и по лицам присутствующих. Один из помощников придержал раму, когда та заметно завибрировала. Второй торопливо отодвинул металлический столик: на его краю задрожали стеклянные склянки, и Фил успел подхватить одну, прежде чем она соскользнула на пол.

— Не трогай кольца, — предупредил старший лекарь. — Пока они считывают каналы, любое вмешательство исказит результат.

Фил поставил склянку подальше и отступил, однако рама вновь дёрнулась. На этот раз один из хрустальных ободов сместился с оси, и по его краю пробежали искры. Помощник потянулся к креплению, но старший лекарь резко перехватил его запястье.

— Руки прочь. Разряд уйдёт в тебя.

Фил заметил, что металлическая ножка рамы скользит по мокрому от пролитой воды полу. Он схватил сухую сложенную подстилку, подложил её под основание и прижал конструкцию ногой, не касаясь проводящих колец. Вибрация ослабла; старший лекарь коротко кивнул и вернулся к кристаллу.

Фил отступил от рамы, освобождая лекарю место. Над кроватью возникла полупрозрачная схема человеческого тела.

Тонкие светящиеся линии расходились от области сердца к конечностям, соединяясь в сложную сеть. Магические каналы.

Фил видел подобные карты сотни раз, однако сейчас сразу заметил странность: несколько линий в правой ноге почти погасли, один из узлов едва светился, а чуть выше по каналу медленно двигалось крошечное тёмное пятно.

— Оно продвинулось, — негромко сказал старший лекарь.

Краус прикрыл глаза.

— Насколько?

— Меньше, чем после предыдущего приступа.

— Это должно меня обрадовать?

— Это означает, что прежнее вмешательство продолжает сдерживать процесс.

Фил молча рассматривал карту.

Повреждение не напоминало ни ожог, ни истощение, ни обычное нарушение циркуляции маны. На схеме один участок сети словно постепенно разрушал другой, хотя соседние ответвления оставались целыми.

И разрушение двигалось по вполне определённому пути. Фил проследил его глазами от одного узла к другому и почувствовал, как знакомое любопытство вытесняет страх. Он не знал причины повреждения, зато видел закономерность — а значит, вопрос можно было сформулировать точнее.

За окном шуршали мокрые после дождя ветви. Никто в палате не обращал на них внимания: все следили за тёмным пятном, которое продолжало медленно ползти по светящейся схеме.

— Почему оно не распространяется в стороны? — неожиданно спросил Фил.

Старший лекарь повернулся к нему.

— Что?

Фил указал на схему.

— Здесь три соединения. Но повреждение идёт только по одному каналу. Остальные пока не затронуты.

— Мы это видим, Майнис.

— Да, но почему?

— Именно это мы пытаемся выяснить.

Фил замолчал.

Старший лекарь некоторое время смотрел на него.

— Ты закончил обход?

— Да.

— Тогда возвращайся к своим обязанностям.

— Но…

— Майнис.

Фил вздохнул.

— Понял.

Он направился к двери.

И вдруг услышал за спиной:

— Подожди.

Это был Краус.

Фил обернулся.

Бывший инквизитор смотрел на него внимательно, без прежней насмешки.

— Ты сказал, что повреждение идёт по одному каналу.

— Да.

— И тебя удивило именно это?

Фил немного растерялся.

— Меня удивляет, что оно вообще движется.

Краус помолчал.

Затем впервые за всё время их знакомства слабо улыбнулся.

— Поздравляю, Майнис. Нас двое.

К тому времени, когда Фил вышел из палаты, за окнами уже сгущались сумерки. По мокрым дорожкам внутреннего двора торопились к общежитиям студенты. Издалека прозвенел колокол, созывавший на ужин, но Фил даже не повернул головы.

Он должен был вернуться в лабораторию, проверить растворы и закончить записи. Вместо этого Фил остановился возле окна.

Перед глазами по-прежнему стояла магическая карта: тёмное пятно, повреждённые узлы и странная последовательность разрушения.

Он не знал, что вызвало повреждение, и тем более не представлял, как его лечить. Однако одна мысль не давала покоя.

Если повреждение двигалось по каналам, значит, у него был путь. А если существовал путь…

Фил нахмурился.

Нет.

Слишком рано делать выводы. Он не знал ни природы заболевания, ни его причин, ни того, что произойдёт при попытке вмешательства.

Любой опытный лекарь посоветовал бы ему забыть увиденное и заняться собственной работой. Фил посмотрел на дверь палаты.

Вспомнил лицо Крауса во время приступа.

И тихо произнёс:

— Ну уж нет.

Он был молод, неопытен и пока не представлял, во что собирается ввязаться.

Но если существовал хотя бы один способ помочь человеку, который медленно терял собственную магию, Фил собирался его найти.

Впервые за долгое время ему захотелось не просто выполнить назначение старшего лекаря, а самому найти ответ. Завтра он начнёт с медицинских записей Крауса — если, конечно, ему позволят их прочитать.

Глава 2. Когда любопытство сильнее здравого смысла

Филларион Майнис искренне считал, что в жизни существуют вещи, которые невозможно исправить. Например, испорченный ужин. Особенно если он сгорел в общей кухне академии, где запах дыма надолго въедался в каменные своды, а повариха обладала памятью, которой позавидовал бы любой архивный артефакт.

Не проще было восстановить разбитый диагностический кристалл или репутацию ученика, который однажды перепутал настойки и добавил слабительное в общеукрепляющий отвар для преподавателей.

Об этой истории в академии помнили особенно хорошо — в первую очередь преподаватели, которым тогда пришлось срочно прервать занятия. Фил старался не давать им повода вспоминать подробности.

Во-первых, прошло уже полгода. Во-вторых, он извинился. А в-третьих, никто так и не доказал, что виноват именно он. К сожалению, старший лекарь придерживался иного мнения.

— Майнис, — произнёс он, не отрывая взгляда от журнала. — Почему ты до сих пор здесь?

Фил замер посреди архивной комнаты, где между шкафами с журналами наблюдений едва слышно потрескивала лампа. Утренний ветер бил в узкое окно, и по полу медленно ползла полоска света, перечёркнутая тенью решётки. Сами по себе пыльные полки не представляли опасности; неприятности могли начаться лишь из-за папки, которую он держал открытой.

— Изучаю историю болезни.

— Чьей?

— Одного пациента.

— Удивительно. Я почему-то думал, что ты изучаешь историю болезни кухонного стола.

Фил осторожно закрыл раскрытую папку.

— Господина фон Штайна.

Перо в руке лекаря остановилось.

— Кто разрешил тебе работать с его медицинскими документами?

— Никто.

— Прекрасно. Уже одно это многое объясняет.

— Но я только хотел…

— Майнис.

Фил замолчал.

Старший лекарь медленно отложил перо.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

— А мне, как ты прекрасно понимаешь, значительно больше. И за все эти годы я усвоил одну простую истину: если молодой лекарь произносит слова «я только хотел», значит, где-то уже произошло несчастье.

— Пока ничего не произошло.

— Именно слово «пока» меня и беспокоит.

Фил опустил глаза.

— Я видел его магические каналы. Там что-то неправильное.

— Там многое неправильное.

— Но повреждение не похоже на болезнь.

Лекарь некоторое время молчал.

— Продолжай.

Фил удивлённо поднял голову.

— Что?

— Ты хотел высказать наблюдение. Высказывай. Желательно до того, как я состарюсь ещё на десять лет.

Фил торопливо нашёл среди бумаг чистый лист.

— Повреждение началось в периферийной части сети. Сейчас оно движется к центру. При этом соседние каналы не разрушаются одновременно. Оно словно выбирает один путь.

Он придвинул лист к свету и быстро набросал схему. Перо скрипнуло, оставляя на бумаге тёмную извилистую линию. Он отметил три узла и провёл стрелки между ними, затем перечеркнул один из переходов.

— Вот здесь, — пояснил он, показывая рисунок старшему лекарю. — Если бы разрушение шло от перегрузки, пострадали бы оба соседних канала. Но один остаётся целым. Я дважды сверил записи.

Старший лекарь забрал рисунок и долго сравнивал его с записями. Фил заметил, как побелели пальцы, державшие край журнала: наставник увидел в схеме нечто большее, чем ученическую догадку.

— Это нам известно.

— Но обычное истощение распространяется иначе. И травматическое повреждение не должно двигаться само по себе.

— Верно.

— Тогда почему мы называем это болезнью?

Старший лекарь внимательно посмотрел на ученика.

— Мы и не называем.

Фил нахмурился.

— Тогда что это?

— Проклятие.

Слово прозвучало буднично, но Фил всё же опустился на стул. Сквозь шум ветра доносился спор о цене алхимических компонентов — обычная жизнь академии продолжалась, словно только что не изменилось всё, что он думал о болезни Крауса.

— Проклятие?

— Именно.

— Но разве проклятия не должны воздействовать на разум, тело или магический резерв?

— Большинство известных нам — да.

— А это?

— А это, Майнис, как ты совершенно справедливо заметил, неправильное.

Лекарь взял со стола папку.

— И именно поэтому тебе не следует вмешиваться.

— Но если понять принцип…

— Ты не представляешь, сколько специалистов уже пытались его понять.

— Сколько?

— Достаточно.

— Это не число.

— Это число, которое тебе знать необязательно.

Фил сжал губы.

Старший лекарь вздохнул.

— Послушай меня внимательно. Господин фон Штайн поступил к нам с тяжёлым повреждением магической сети. Проклятие удалось частично подавить, но остановить полностью — нет. Мы наблюдаем за его состоянием и стараемся замедлить разрушение.

— А если оно достигнет ядра?

Лекарь не ответил сразу.

И этого оказалось достаточно.

— Он потеряет магию? — тихо спросил Фил.

— Полностью.

— Навсегда?

— Да.

Фил разжал ладонь и прислушался к привычному отклику магии — слабому, почти неощутимому движению энергии, которое сопровождало его с детства.

Магия была частью его жизни с детства. Он не мог представить, что однажды она просто исчезнет.

— Но он останется жив?

— Если не возникнет иных осложнений, да.

Фил медленно кивнул.

Старший лекарь встал.

— И запомни ещё кое-что. Я запрещаю тебе самостоятельно воздействовать на проклятие. Даже обычное диагностическое заклинание без должной подготовки может оказаться опасным.

— Понял.

— Майнис.

— Да?

— Я хочу услышать не просто слово.

Фил поднял взгляд.

— Я не буду самостоятельно воздействовать на проклятие.

Лекарь несколько секунд изучал его лицо.

— Хорошо. Теперь иди спать.

— Сейчас только вечер.

— Вот именно. Удивительная возможность выспаться до утра.

Спать Фил не собирался, хотя и не намеревался нарушать запрет. Во всяком случае, он убеждал себя, что чтение медицинских трактатов не считается вмешательством.

Он отправился в общую библиотеку академии.

К вечеру над башнями собрались тяжёлые облака. Во внутреннем дворе ветер гнал по мокрым плитам прошлогодние листья, а в лужах дрожали отражения высоких окон. Фил поднял воротник и ускорил шаг, когда первые капли дождя застучали по камню. От лечебницы до старого корпуса было недалеко, но порыв ветра едва не вырвал из рук свёрнутые записи. Пришлось прижать их к груди и пробежать последние ступени, перепрыгнув через поток воды у водостока.

Библиотека занимала два этажа старого корпуса: шкафы поднимались к потемневшим потолочным балкам, между полками мерцали светящиеся шары, а запах пыли, переплётной кожи и старой бумаги встречал посетителей уже у порога.

Фил любил библиотеку за возможность хотя бы ненадолго остаться наедине с вопросами, на которые ещё не было ответа. Здесь никто не требовал немедленно принести бинты и не жаловался на горькие лекарства.

И никто не пытался доказать, что переломанная рука заживёт быстрее, если выпить три кружки крепкого пива.

Однажды ему довелось убедиться, что пиво не ускоряет срастание костей. К счастью, проверять это на себе не пришлось.

Он направился к разделу магической анатомии. Первый трактат рассказывал о строении центрального ядра, второй — о циркуляции маны, третий — о последствиях перегрузки каналов. Четвёртый оказался настолько скучным, что Фил едва не заснул уже на второй странице.

Спустя два часа книги загромоздили почти весь стол, а нужного ответа по-прежнему не было.

Один из светящихся шаров над столом мигнул. Фил машинально поднял голову: в глубине прохода что-то глухо ударило о пол. Между шкафами покатился тяжёлый том, следом со скрипом накренулась приставная лестница. За ней раздался испуганный возглас младшего библиотечного помощника.

Фил вскочил, даже не успев оценить, сможет ли удержать падающую лестницу. Лестница пошла вниз, зацепив соседнюю полку; с верхней ступени сорвалась тяжёлая стопка книг. Помощник застыл, вцепившись в перекладину. Фил ухватил лестницу обеими руками, но её тяжесть потянула его за собой. Каблуки скользнули по гладким плитам.

— Прыгай в проход! — крикнул он.

Мальчишка отпустил перекладину и спрыгнул, едва не ударившись плечом о шкаф. Фил упёрся в торец стеллажа, удержал лестницу ещё на мгновение и только тогда позволил ей опуститься на пол. Книги с грохотом посыпались рядом. От пыли защипало глаза, а в левом плече болезненно отозвалась нагрузка.

— Не ушибся? — спросил Фил, переводя дыхание.

Помощник кивнул и, побледнев, подобрал рассыпавшиеся карточки.

— Тогда позови библиотекаря. И не вздумай ставить её обратно без проверки креплений.

Когда всё закончилось, Фил обнаружил на рукаве свежую прореху и с раздражением понял, что собственные записи лежат под раскрытым атласом. Он осторожно вернул его на место. Спасать людей, оказывается, можно было даже в библиотеке; вот только медицинских открытий это не прибавляло. Но ответов о проклятии Крауса так и не прибавилось. Фил потёр глаза, стараясь не смотреть на пыльную гору книг, которую теперь предстояло разобрать.

— Замечательно. Я теперь знаю семнадцать способов повредить магические каналы и ни одного способа остановить то, что происходит с Краусом.

— Разговариваешь с книгами?

Фил вздрогнул.

За соседним стеллажом стоял высокий мужчина в тёмном камзоле. Краус фон Штайн.

Без доспехов и оружия он выглядел немного иначе, чем в палате. Однако осанка и холодный внимательный взгляд выдавали человека, привыкшего замечать опасность раньше остальных.

— Вам нельзя вставать, — автоматически сказал Фил.

— А тебе, насколько я понимаю, нельзя читать.

— Мне можно.

— Тогда почему у тебя такой виноватый вид?

Фил посмотрел на раскрытые книги.

— Я изучаю магическую анатомию.

Краус подошёл ближе.

— В половине десятого вечера?

— Лучшее время для учёбы.

— Особенно если утром тебя ждёт работа.

— Вы тоже должны отдыхать.

— Я преподаватель. Мне положено подавать дурной пример.

Краус осторожно сел напротив. Фил заметил, что движение далось ему с трудом.

— Вам больно?

— Бывает.

— Сейчас?

— Терпимо.

— Это не ответ.

— Для бывшего инквизитора вполне удовлетворительный.

Фил хотел возразить, но передумал. Краус посмотрел на заголовок раскрытой книги.

— «Патологии магических проводящих структур». Увлекательное чтение.

— Вы её знаете?

— Нет. Уже по названию понимаю, что не хочу.

Фил невольно улыбнулся, и на несколько мгновений между ними установилось спокойное молчание.

Потом Краус спросил:

— Ты изучаешь моё проклятие?

Фил замер.

— Я изучаю повреждения магических каналов.

— Какая удивительная случайность.

— Это моя будущая профессия.

— А я, видимо, случайно оказался рядом.

Фил закрыл книгу.

— Да. Я хочу понять, что с вами происходит.

Краус внимательно посмотрел на него.

— Зачем?

От привычной насмешливости Крауса не осталось и следа.

Фил растерялся.

— Потому что вы больны.

— Здесь много больных.

— Я знаю.

— И всем ты собираешься посвятить жизнь?

Фил задумался.

— Если понадобится.

Краус долго молчал.

Затем покачал головой.

— Опасный ты человек, Майнис.

— Почему?

— Потому что однажды кто-нибудь воспользуется твоей добротой.

Фил пожал плечами.

— Возможно.

— И тебя это не беспокоит?

— Беспокоит.

— Но ты всё равно будешь помогать?

— Если смогу.

Краус тихо усмехнулся.

— Безнадёжный случай.

— Я слышал, у вас похожий диагноз.

— У меня хотя бы есть уважительная причина.

Краус поднялся спустя несколько минут. Фил заметил, как он на мгновение опёрся ладонью о край стола.

— Вам стоит вернуться в палату.

— Ты повторяешься.

— А вы не слушаете.

— Привыкай. Я преподаю боевую подготовку. Там половина студентов не слушает, а вторая половина делает вид, что слушает.

Он направился к выходу.

У самой двери остановился.

— Майнис.

— Да?

— Не пытайся лечить меня тайком.

Фил почувствовал, как похолодели пальцы.

— Я не собирался.

— Хорошо.

Краус повернул голову.

— Потому что мне уже достаточно людей, которые считают, будто знают, что для меня лучше.

Фил молчал.

— Если у тебя появится разумная идея, — продолжил Краус, — сначала расскажи мне и старшему лекарю. Я хочу понимать, на что соглашаюсь.

— Хорошо.

— И не смотри на меня так.

— Как?

— Словно уже собираешься принести себя в жертву ради великого медицинского открытия.

Фил смутился.

— Я просто хочу помочь.

— Тогда постарайся остаться живым. Мёртвые лекари обычно малоэффективны.

Краус вышел.

Фил ещё долго смотрел на закрывшуюся дверь.

Потом медленно открыл книгу.

На этот раз не о проклятиях.

О строении магических каналов. Он собирался разобраться хотя бы в том, что уже было известно.

Поздно ночью в кабинете ректора горел свет. Альбрехт фон Равенхольм сидел за огромным письменным столом, заваленным документами.

Перед ним лежал отчёт о состоянии Крауса.

Старый маг прочитал его уже трижды.

Затем снял очки и устало потёр переносицу.

— Упрямый мальчишка, — пробормотал он.

Кого именно он имел в виду, было не вполне ясно. Возможно, Крауса.

Возможно, молодого лекаря, имя которого появилось в отчёте. А возможно, самого себя.

Альбрехт поднялся и подошёл к книжному шкафу. За несколькими томами по теории пространственных заклинаний скрывалась небольшая деревянная шкатулка.

Он достал её, положил на стол и осторожно открыл. Внутри лежала старая рукопись.

Потемневшие страницы с выцветшими чернилами хранили печать давно исчезнувшего лечебного братства. Судя по состоянию бумаги и старинному письму, рукописи было около тысячи лет.

Альбрехт перелистнул несколько страниц.

Остановился на рисунке.

Схематическое изображение магической сети.

Несколько разрушенных узлов. И тонкая линия повреждения, ведущая от периферии к центральному ядру.

Старый маг медленно провёл пальцем по краю страницы.

— Не может быть…

Он снова взглянул на современный отчёт.

Сходство было тревожным.

Но рукопись содержала слишком мало сведений, чтобы делать выводы.

Альбрехт закрыл её.

Некоторое время сидел неподвижно.

Затем убрал шкатулку обратно. Он не хотел тревожить Крауса непроверенными догадками.

Не хотел давать ложную надежду. И уж точно не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, насколько мало он сам понимает происходящее.

Старый маг погасил свет.

Его привычка хранить секреты снова показалась ему разумной. Впоследствии он ещё не раз пожалеет об этом решении.

На следующее утро Фил обнаружил Крауса во внутреннем дворе академии.

Ночной дождь оставил на тренировочной площадке тёмные пятна. Из мокрых крон старых деревьев время от времени срывались крупные капли, а за каменной оградой щебетали птицы. Воздух пах землёй, холодным железом и молодой листвой. Несколько студентов на соседней дорожке торопились к занятиям, обходя лужи, но у манекенов было почти пусто. Бывший инквизитор стоял напротив тренировочного манекена.

В руках у него был деревянный меч.

Фил остановился.

— Вы издеваетесь?

Краус повернулся.

— Доброе утро и тебе.

— Вам запрещены физические нагрузки!

— Мне рекомендовано их ограничить.

— Вы размахиваете мечом!

— Деревянным. Очень безопасная разновидность оружия.

— Для кого?!

Краус задумался.

— Для меча.

Фил закрыл лицо ладонью.

— Я сейчас позову старшего лекаря.

— Не нужно. Я уже закончил.

Краус опустил оружие.

Фил уже открыл рот, собираясь продолжить выговор, когда Краус резко перенёс вес на левую ногу. Деревянный меч выскользнул из его пальцев, ударился о мокрые плиты и отскочил к краю площадки. Краус попытался удержать равновесие, но правая нога подогнулась.

Он успел ухватиться за манекен.

Фил бросился к нему.

— Краус!

— Не ори.

— Вы сейчас упадёте!

— Это временное тактическое отступление.

— Куда?!

— Вниз, очевидно.

Фил подхватил его под руку. Пальцы Крауса судорожно сжались на его предплечье; на мгновение Фил едва удержал обоих на скользкой земле. Он развернулся боком, подставил плечо и помог раненому опереться на устойчивую стойку манекена.

Краус попытался выпрямиться.

И внезапно вскрикнул.

Под кожей правой ноги проступили тёмные линии. Фил почувствовал резкое искажение магического поля.

Сильнее, чем вчера.

Гораздо сильнее.

Краус стиснул зубы.

— Отойди…

Фил не отступил.

Но и не стал немедленно применять магию.

Он помог Краусу опуститься на землю, удерживая его от падения.

— Я позову помощь.

— Подожди…

— Нет. На этот раз никаких споров.

Фил уже собирался крикнуть ближайшему студенту, когда заметил нечто странное. Тёмные линии на ноге Крауса на мгновение изменили направление.

Будто повреждение натолкнулось на препятствие. А затем боль усилилась.

Фил замер.

Он не видел внутреннюю магическую сеть без диагностического артефакта. Но чувствовал её нарушение.

Очень слабо.

На самой границе восприятия. И почему-то ему показалось, что проклятие сейчас ищет другой путь.

— Фил…

Голос Крауса прозвучал глухо.

— Зови лекаря.

Фил очнулся.

— Сейчас.

Он повернулся к ближайшему студенту.

— Быстро в лечебницу! Старшего лекаря сюда! Немедленно!

Юноша сорвался с места.

Фил остался рядом с Краусом.

Фил не понимал природы проклятия и не мог остановить боль. От этого бессилия хотелось действовать немедленно, хотя любое необдуманное заклинание могло только ухудшить состояние Крауса. Краус тяжело дышал.

— Ну что, Майнис…

— Молчите.

— Это приказ?

— Медицинская рекомендация.

— Уже лучше…

Он попытался улыбнуться.

И потерял сознание.

Фил побледнел.

— Краус?

Ответа не было.

Фил приложил пальцы к его шее.

Пульс сохранялся.

Дыхание было неровным, но устойчивым.

Он не стал касаться проклятия магией.

Пока.

Однако, глядя на неподвижное лицо бывшего инквизитора, Фил понял одну неприятную вещь.

Времени у них было значительно меньше, чем хотелось бы. И если существующие методы не помогали, рано или поздно кому-нибудь придётся попробовать что-то другое.

Глава 3. Цена одного неправильного решения

К тому времени, как Крауса внесли в лечебницу, Фил уже успел трижды пожалеть об утренней прогулке во двор: сначала при виде бывшего инквизитора с мечом, затем — когда тот рухнул без сознания, и наконец под взглядом старшего лекаря, словно ученик лично придумал все болезни мира, чтобы испортить наставнику день.

— Что произошло?

— Приступ во время физической нагрузки, — быстро ответил Фил. — Потеря сознания, резкая боль в правой ноге, выраженное нарушение магического поля. Пульс был сохранён, дыхание неровное.

— Ты применял магию?

— Нет.

— Совсем?

— Только проверил состояние обычными способами. Магически не вмешивался.

Старший лекарь коротко кивнул.

— Хорошо. Помоги установить диагностическую раму.

Двое помощников тащили к кровати диагностическую раму; на гладком каменном полу у них скользили сапоги, и тяжёлая конструкция опасно кренилась на каждом повороте. Фил поспешил к ним, заметив, что один из крепёжных винтов не до конца вошёл в паз.

В палате пахло горячим воском, чистым полотном и резковатым раствором, которым протирали диагностические пластины. Узкие окна пропускали полосы пасмурного света, и на их фоне лицо Крауса казалось почти бескровным. Фил видел, как старший лекарь привычным движением отодвигает мешающий поднос, как помощник проверяет ремни на раме, как другой ищет свободную розетку магического питания. Помощники работали быстро и слаженно, и на их фоне Фил особенно остро ощущал собственную неопытность: он умел перечислить симптомы и подать инструмент, но не мог предсказать, что случится с пациентом хотя бы через час.

Один из помощников задел локтем стойку с креплениями, и верхнее серебряное кольцо резко качнулось над кроватью. Фил успел подхватить стойку прежде, чем та ударила Крауса по плечу. От напряжения пальцы свело, металлическая кромка больно врезалась в ладонь, но он не отпустил её, пока второй помощник не затянул фиксатор.

— Сначала закрепляем раму, потом запускаем, — резко сказал старший лекарь. — Иначе нам понадобится ещё один пациент.

Фил проверил противоположное крепление, стараясь не обращать внимания на саднящую ладонь. Спрятать руку за спину хотелось отчаянно, но старший лекарь наверняка заметил бы эту уловку. Убедившись, что кольца больше не смещаются, Фил отошёл к изголовью, откуда можно было одновременно видеть лицо Крауса и показания прибора.

Серебряные кольца артефакта начали вращаться, когда старший лекарь коснулся центрального кристалла. Над телом Крауса появилась знакомая светящаяся схема.

Фил ощутил холод под рёбрами: тёмное пятно поднялось выше, чем на вчерашней схеме.

Вчерашняя схема ещё стояла у него перед глазами: изломанная тёмная полоса обрывалась возле одного из узлов, оставляя между собой и ядром несколько светлых, работающих участков. Теперь расстояние сократилось. Фил поймал себя на бессмысленном желании поднести к изображению линейку, словно точное число могло сделать увиденное менее страшным. Он заставил себя смотреть не на пятно, а на соседние каналы: где свет тускнел, где оставался ровным, какие узлы продолжали отвечать на проверочный импульс. Страх никуда не исчез, но постепенно уступил место работе.

Изменение было невелико, однако сомневаться в нём не приходилось.

— Оно продвинулось, — прошептал Фил.

— Вижу.

Старший лекарь изменил настройки артефакта. Несколько линий вспыхнули золотистым светом. Рядом с ними возникли небольшие символы, обозначавшие состояние проводящих каналов.

Фил проследил за показателями от повреждённого участка к центру сети. Один узел в правой ноге уже не отзывался на проверочный импульс, следующий работал с перебоями, а выше, на пути к ядру, пульсировало тёмное пятно.

— Резерв? — спросил лекарь.

— Восстанавливается, — ответил помощник, сверившись с показаниями. — Медленно, но в пределах ожидаемого.

— Проводимость?

— В повреждённом участке почти отсутствует.

— Состояние ядра?

Помощник помедлил.

— Пока без изменений.

Старший лекарь едва заметно расслабил плечи.

— Хорошо. Подготовьте стабилизирующий состав.

Фил продолжал смотреть на схему. Его тревожила не только скорость проклятия: в расположении уцелевших каналов угадывалась закономерность, которую он пока не мог объяснить.

— Господин лекарь…

— Не сейчас, Майнис.

— Но…

— Если ты собираешься предложить мне очередную теорию, сначала дай закончить осмотр.

Фил замолчал.

Краус не шевелился, а его трость стояла у стены, куда её поставили помощники. Обычно Краус держал её так, будто это не опора, а ещё одно оружие, и не позволял никому переставлять без спроса. Сейчас рукоять безжизненно поблёскивала в стороне от кровати. Фил отвёл взгляд, прежде чем воображение успело нарисовать слишком много вариантов будущего. У постели больного не было пользы от этих картин; куда важнее было заметить изменение дыхания или вовремя позвать старшего лекаря.

За всё время знакомства Фил ещё не видел Крауса таким тихим. Не было ни насмешек, ни упрямых заверений, что с ним всё в порядке, — и эта непривычная тишина пугала сильнее жалоб на боль.

Ближе к полудню Краус открыл глаза. Несколько мгновений он неподвижно смотрел в потолок, затем повернул голову к окну.

За несколько часов свет в палате успел переместиться с подоконника на спинку соседней кровати. Фил дважды менял воду в стакане, хотя Краус всё равно не мог пить, и трижды открывал учебник на одной странице. Каждый раз он возвращался к показаниям диагностической рамы. Когда пальцы пациента едва заметно дрогнули, Фил сначала решил, что ему показалось. Только после второго движения он отложил книгу и подался вперёд.

— Майнис.

Фил едва не уронил книгу.

— Вы очнулись!

— Нет. Это мой призрак пришёл сообщить, что обслуживание в вашей лечебнице отвратительное.

Фил облегчённо выдохнул.

— Как вы себя чувствуете?

— Как человек, которого избили палками.

— Вы потеряли сознание.

— Помню.

— У вас был сильный приступ.

— И это помню.

— Повреждение продвинулось.

Краус перестал улыбаться.

— Насколько?

Фил закрыл книгу.

— Немного. Но больше, чем после предыдущих приступов.

Краус несколько секунд молчал.

— Ядро?

— Не повреждено.

— Значит, пока живём.

— Вы и без магии останетесь живы.

— Знаю.

Краус посмотрел на собственную руку.

Медленно сжал пальцы.

Разжал.

— Но это будет уже другая жизнь.

Фил не нашёл ответа. Он знал, что магия не определяет ценность человека, но для Крауса она была связана со всей прежней жизнью — службой, боями, тренировками, возможностью защищать других. Потерять её означало не просто отказаться от привычного инструмента, а заново учиться жить.

— Я всё равно буду искать выход, — тихо сказал Фил.

Краус повернул голову.

— Способ чего?

— Остановить проклятие.

— Ты уже обещал это вчера?

— Нет.

— Тогда не начинай сегодня.

Фил нахмурился.

— Почему?

— Потому что обещания, которые невозможно выполнить, имеют неприятное свойство превращаться в чувство вины.

— Я не обещаю, что обязательно получится.

— Тогда что ты обещаешь?

Фил немного подумал.

— Что не перестану искать.

Краус смотрел на него несколько секунд.

Затем тихо усмехнулся.

— Вот это уже звучит опаснее.

— Почему?

— Потому что ты похож на человека, который действительно не перестанет.

Вечером старший лекарь вызвал Фила в кабинет.

К вечеру коридоры лечебницы почти опустели. За закрытыми дверями ещё слышались негромкие голоса дежурных, а в конце галереи ученик в сером фартуке собирал использованные повязки в полотняный мешок. Фил шёл медленно, стараясь припомнить каждое своё действие у кровати Крауса. Усталость делала мысли вязкими, и потому особенно хотелось услы-

шать простое решение, которое он сам упустил. Но чем ближе была дверь кабинета, тем яснее становилось: старший лекарь позвал его не за готовым ответом.

На столе лежали три диагностические карты.

— Садись.

Фил послушно опустился на стул.

— Я что-то сделал не так?

— Пока нет.

— Это обнадёживает.

— Не привыкай.

Лекарь подвинул к нему первую карту.

— Что ты видишь?

Фил внимательно изучил изображение.

— Повреждение периферического узла. Нарушение проводимости в связанном канале. Соседние участки пока функционируют нормально.

— Вторая карта.

Фил сравнил схемы.

— Повреждение продвинулось выше. Первый узел полностью разрушен. Второй нестабилен.

— Третья.

Фил нахмурился.

— Здесь…

Он приблизил лист.

— Направление изменилось.

— Именно.

— Но почему?

— Хороший вопрос.

Фил поднял взгляд.

Старший лекарь впервые за весь разговор выглядел не раздражённым, а заинтересованным.

— Мы наблюдали это несколько раз, — продолжил он. — Когда один участок перестаёт проводить магию, повреждение может продолжить движение по другому существующему соединению.

— Значит, оно не проходит через разрушенный канал?

— По нашим наблюдениям — нет.

Фил задумался.

— Тогда теоретически можно…

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал!

— Я достаточно хорошо знаю выражение твоего лица.

— Но если разорвать соединение перед повреждением…

— Мы не знаем, что произойдёт с остальной сетью. И не знаем, сможет ли пациент перенести подобное вмешательство.

— А если подобрать безопасный участок?

— Сначала нужно доказать, что такой участок существует.

Фил вновь перевёл взгляд на карты.

— Значит, такая возможность всё же есть?

— Майнис, — устало произнёс лекарь, — между словами «теоретически допустимо» и «можно попробовать на живом человеке» существует огромная пропасть. Желательно не прыгать в неё с разбега.

Фил с досадой опустил голову.

— Понял.

Старший лекарь собрал карты.

— Ты хорошо замечаешь закономерности. Это полезное качество. Но хороший лекарь отличается от опасного энтузиаста не только талантом.

— А чем?

— Умением вовремя остановиться.

Следующие два дня обошлись без новых приступов. Краус, по крайней мере на глазах у Фила, не пытался тренироваться с мечом, а сам ученик чередовал дежурства в лечебнице, занятия и вечернее чтение трактатов по магической анатомии.

Фил не воздействовал на проклятие и не проводил тайных опытов. Ему даже удавалось почти высыпаться, что, пожалуй, подозревало старшего лекаря сильнее любых прежних выходок.

На третий день Фил снова встретил Крауса в библиотеке. Бывший инквизитор сидел за столом и изучал какую-то старую книгу.

— Что читаете? — спросил Фил.

— Историю военных кампаний северных баронств.

— Зачем?

— Хочу узнать, кто из моих предков первым начал принимать идиотские решения.

Фил улыбнулся.

— Нашли?

— Пока список слишком длинный.

Фил сел напротив.

Некоторое время они молчали.

Затем Краус отложил книгу.

— Ты хотел что-то спросить.

— Откуда вы знаете?

— Ты уже пять минут смотришь на меня, как студент на экзаменационный билет.

Фил смутился.

— Я хотел узнать о вашем проклятии.

— Конкретнее.

— Когда оно появилось?

Краус некоторое время молчал.

— Во время службы.

— На задании?

— Да.

— Что произошло?

Краус закрыл книгу.

— Это было закрытое поручение Короны.

— Даже сейчас?

— Даже сейчас.

Фил кивнул.

— Понятно.

— Ты не будешь расспрашивать дальше?

— Если вы не можете рассказать, какой смысл?

Краус посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Обычно люди продолжают.

— Обычно люди не работают в лечебнице.

— И что?

— Пациенты часто не хотят рассказывать о некоторых вещах. Особенно если им стыдно, страшно или неприятно.

— Мне не стыдно.

— Я и не говорил, что вам стыдно.

Краус помолчал.

— Ты странный, Майнис.

— Мне часто говорят.

— Верю.

Фил уже собирался сменить тему, когда Краус неожиданно произнёс:

— Я не был один.

Фил поднял взгляд.

— На задании?

— Да.

— И что случилось с остальными?

Лицо Крауса стало неподвижным.

— Не все вернулись.

Фил не стал задавать следующий вопрос.

Краус некоторое время смотрел в окно.

Затем произнёс:

— Если когда-нибудь узнаешь, как остановить эту дрянь, я хочу понимать, что именно ты собираешься делать. Никаких сюрпризов.

— Хорошо.

— И никаких геройских самоубийств.

Фил усмехнулся.

— Вы говорите это человеку, который видел, как вы тренировались после тяжёлого приступа?

— Это другое.

— Конечно.

— Я опытный идиот.

— А я начинающий?

— У тебя огромный потенциал.

В тот же вечер в лечебницу доставили пострадавшего студента. Юноша пытался усилить собственные магические каналы перед экзаменом по боевой подготовке.

Результат оказался предсказуемым. Один канал в правой руке получил серьёзное повреждение.

Фил помогал старшему лекарю во время лечения. Они работали почти два часа.

Повреждение удалось стабилизировать.

Но когда пациент уснул, Фил продолжал смотреть на диагностическую карту.

Обычная травма выглядела на схеме понятнее: повреждённый узел, нарушенная проводимость — и ни одного тёмного пятна.

Никакого движения разрушения. Он сравнил схему с тем, что запомнил из обследования Крауса.

Разница была очевидной.

У обычной травмы существовала граница.

Повреждение оставалось там, где возникло.

У проклятия граница двигалась.

Фил задумался.

А что, если проблема заключалась не только в разрушении?

Что, если само проклятие каким-то образом использовало структуру магической сети?

Он не знал.

Но теперь хотя бы понимал, какой вопрос нужно задавать.

Ночью Краус проснулся от боли.

Сначала Краус ощутил лишь знакомое жжение в правой ноге, но через несколько мгновений оно усилилось и поползло вверх.

Он стиснул зубы.

Попытался изменить положение.

Не помогло.

Под кожей проступили тёмные линии. Краус потянулся к колокольчику возле кровати. Но рука дрогнула.

Колокольчик упал на пол.

— Проклятье…

Он попытался подняться.

Нога отказалась слушаться.

Боль ударила так резко, что перед глазами потемнело. Краус упал обратно на подушку.

В коридоре послышались шаги.

Дверь открылась.

На пороге стоял Фил.

В руках он держал стопку чистых простыней.

— Краус?

Ответа не последовало.

Фил мгновенно бросил бельё на ближайший стул.

— Что происходит?

— Приступ…

Краус с трудом выговорил слово.

Фил посмотрел на тёмные линии.

Они поднимались выше.

Медленно.

Но заметно.

— Я позову лекаря.

Он повернулся к двери.

— Фил…

Фил остановился.

Краус попытался вдохнуть.

— Быстрее.

Фил выбежал в коридор.

— Помощь! В западное крыло! Срочно!

Из дежурной комнаты показалась молодая помощница.

— Что случилось?

— Приступ у фон Штайна! Зови старшего лекаря!

Девушка бросилась к лестнице.

Фил вернулся в палату.

Краус уже почти не реагировал на происходящее. Дыхание стало поверхностным.

Тёмные линии под кожей пульсировали.

Фил осторожно проверил пульс.

Сердце билось слишком быстро.

Он положил ладонь на край кровати.

И почувствовал нечто странное.

Магическое поле Крауса дрожало.

Не просто колебалось.

Оно словно сопротивлялось чему-то, что двигалось внутри него. Фил замер.

Его собственная целительская магия отозвалась на нарушение. Привычное тепло поднялось от ядра к ладоням.

Он тут же остановил поток.

Не вмешиваться.

Приказ старшего лекаря.

Предупреждение Крауса.

Здравый смысл.

Всё говорило одно и то же.

Нельзя.

Фил посмотрел на лицо мужчины.

Краус был без сознания.

Тёмные линии продолжали подниматься. Фил попытался оценить состояние без магического воздействия.

Но не мог понять, насколько близко повреждение подошло к следующему узлу.

Он не знал, успеет ли помощь.

И не знал, насколько опасно вмешательство.

Время тянулось мучительно медленно.

Где-то в коридоре хлопнула дверь.

Фил услышал далёкие голоса.

Помощь уже шла.

Нужно было ждать.

Он сжал кулаки.

— Давай же…

Краус судорожно вдохнул.

Его тело выгнулось от боли. Фил почувствовал, как магическое поле на мгновение резко ослабло. И в этот момент страх оказался сильнее осторожности.

— Прости, — прошептал он.

Фил положил ладонь на грудь Крауса, в стороне от центрального ядра, и осторожно выпустил тончайшую нить целительской энергии. Фил не пытался ни уничтожить проклятие, ни восстановить разрушенные каналы. Он хотел лишь поддержать ближайшие здоровые узлы, чтобы уменьшить нагрузку на них.

Сначала ничего не произошло.

Затем он почувствовал сопротивление.

Холодное.

Чужое.

Совершенно непохожее на обычное магическое повреждение. Фил попытался отвести энергию. Но не успел.

Что-то внутри магической сети Крауса словно заметило прикосновение. И потянулось навстречу.

Фил вскрикнул.

По его руке ударила ледяная боль. Целительская энергия вспыхнула, пытаясь защитить собственные каналы.

Он рванулся назад.

Но связь не разорвалась.

На одно короткое мгновение Фил ощутил, как часть чужого разрушительного воздействия переходит в его собственную магическую сеть. А затем произошло нечто совершенно невозможное.

В глубине его магии отозвалась другая сила.

Это было не тепло целительства и не привычное течение маны, а нечто холодное, тихое и древнее. Словно дверь, которую тысячу лет никто не открывал, вдруг дрогнула на заржавевших петлях.

Фил закричал.

И потерял сознание.

Когда старший лекарь ворвался в палату, он увидел двух неподвижных людей. Краус лежал на кровати.

Фил — на полу рядом с ним. От ладони юного лекаря поднималась тонкая струйка сероватого дыма.

— Майнис!

Старший лекарь бросился к нему.

Проверил пульс.

Жив.

Затем посмотрел на Крауса.

Тот тоже дышал.

Но что-то изменилось.

Тёмные линии под его кожей почти исчезли.

Старший лекарь медленно поднял голову.

— Диагностическую раму. Немедленно.

Помощники бросились выполнять приказ.

Через несколько минут над кроватью появилась магическая карта.

Старший лекарь смотрел на неё, не веря собственным глазам. Проклятие не исчезло.

Разрушенные узлы не восстановились.

Но активное продвижение почти прекратилось.

Тёмное пятно словно погрузилось в глубокий сон.

— Невероятно…

Он повернулся к Филу.

Юноша лежал на полу, бледный как полотно. На его ладони проступала тонкая тёмная линия.

Старший лекарь осторожно коснулся её диагностическим заклинанием. И почувствовал слабое, едва различимое нарушение.

Часть воздействия действительно перешла к Филу.

Но почему он оставался жив?

Почему его собственная магическая сеть не начала разрушаться с той же скоростью?

И что именно произошло между двумя пациентами?

Ответов не было.

Старший лекарь поднялся.

— Перенесите Майниса на соседнюю кровать. Осторожно.

Он ещё раз посмотрел на диагностическую карту Крауса. Затем на руку Фила.

И впервые за много лет почувствовал не профессиональное любопытство. А настоящий страх.

Потому что только что стал свидетелем вмешательства, которого не понимал. И совершенно не представлял, какой ценой оно обошлось молодому лекарю.

Глава 4. Мёртвые не должны отвечать

Первое, что почувствовал Филларион Майнис, придя в сознание, была боль.

Поначалу окружающий мир существовал лишь отдельными ощущениями: сухая ткань под щекой, тяжесть одеяла, горечь лекарства на языке и приглушённый скрип мебели где-то рядом. Фил попытался собрать их в знакомую картину палаты, но память отвечала обрывками. Он помнил, что торопился, помнил чужую боль — и совершенно не мог понять, когда оказался в собственной постели. От этой пустоты становилось тревожнее, чем от слабости в мышцах.

Боль была несильной, но непривычной: она не сосредотачивалась ни в руке, ни в груди, а словно заполняла промежутки между костями. Следом пришёл голод.

И лишь потом Фил с неприятной ясностью понял, что кто-то поблизости намерен его убить.

— Майнис.

Фил решил пока не открывать глаз: по голосу он уже узнал наставника.

— Майнис, я знаю, что ты проснулся.

Фил выровнял дыхание, надеясь выиграть хотя бы несколько мгновений.

— Если ты сейчас притворяешься спящим, я начну осмотр с самого неприятного диагностического заклинания, какое знаю.

Фил открыл один глаз.

— Доброе утро?

— Для кого как.

Старший лекарь сидел возле кровати, сутулясь сильнее обычного. Под глазами у него темнели следы бессонной ночи; на столике теснились три пустые чашки, исписанные диагностические карты и небольшой серебряный артефакт. За окном медленно светлело, но в палате ещё горела лампа, и от её неподвижного света усталость лекаря казалась особенно заметной.

Наставник двигался медленно, будто бессонная ночь заставляла его проверять каждый жест. Он не повысил голоса, лишь придвинул диагностическую карту. Филу стало не по себе: привычная выволочка означала бы, что худшее позади, а сейчас лекарь выглядел скорее испуганным, чем сердитым.

Фил осторожно пошевелился.

— Сколько я спал?

— Почти сутки.

— Ого.

— Именно.

— А можно ещё немного?

— Нет.

— Жаль.

Лекарь наклонился ближе.

— Что ты помнишь?

Фил задумался.

Палата.

Краус.

Тёмные линии под кожей.

Боль.

Холод.

А потом…

Он нахмурился.

Он вспомнил странное чувство, будто за привычными границами собственной магии внезапно обнаружилась огромная пустота.

— Я пытался помочь Краусу.

— Это я уже понял.

— Он терял сознание. Проклятие двигалось. Я позвал помощь, но…

— Но решил не ждать.

Фил опустил глаза.

— Да.

— Несмотря на мой прямой запрет.

— Да.

— Несмотря на то, что ты понятия не имел, с чем имеешь дело.

— Да.

Старший лекарь некоторое время молчал.

— Ты хотя бы понимаешь, насколько тебе повезло?

Фил осторожно посмотрел на него.

— Судя по вашему выражению лица, не очень.

— Ты мог погибнуть.

Шутить расхотелось.

Лекарь взял со стола диагностическую карту.

— Часть разрушительного воздействия перешла в твою магическую сеть. Мы обнаружили повреждение одного периферийного канала и несколько нестабильных узлов.

Фил машинально повернул левую руку ладонью вверх. На внутренней стороне предплечья виднелась тонкая тёмная линия; он осторожно провёл рядом с ней пальцем, не решаясь прикоснуться. После всего пережитого даже безобидное покалывание под кожей заставляло насторожиться.

— Оно будет распространяться?

— Пока признаков продвижения нет.

— А у Крауса?

Лекарь тяжело вздохнул.

— Его состояние стабилизировалось.

Фил впервые за всё утро смог свободно вдохнуть.

— Значит, получилось?

— Не спеши радоваться. Проклятие никуда не исчезло. Повреждённые узлы не восстановились. Мы наблюдаем лишь резкое снижение активности.

— Но ему лучше?

— Сейчас — да.

Фил улыбнулся.

Старший лекарь устало потёр переносицу, словно слова ученика добавили к бессонной ночи ещё одну головную боль.

— Ты неисправим.

— Мне часто говорят.

— И совершенно напрасно считают это достоинством.

Он отложил карту.

— Теперь объясни, что именно ты сделал.

Фил закрыл глаза, пытаясь восстановить последовательность событий.

— Я хотел поддержать здоровые узлы. Не трогать само проклятие, только уменьшить нагрузку на сеть.

— Продолжай.

— Сначала почувствовал сопротивление. Потом что-то словно потянулось к моей магии.

— Что именно?

— Не знаю.

— Постарайся описать.

Фил помолчал.

— Холод. Но не обычный. Как будто…

Он запнулся.

— Как будто что?

— Как будто я коснулся чего-то мёртвого.

Лекарь нахмурился.

— Мёртвого?

— Не тела. Скорее… отсутствия жизни.

Старший лекарь несколько секунд смотрел на него.

— Ты был на грани магического истощения. В таком состоянии ощущения могут быть искажены.

— Возможно.

— Что произошло потом?

Фил задумался.

Вспомнил странную пустоту.

Тихий отклик внутри себя. И ощущение двери, которая прежде никогда не открывалась.

— Не помню, — наконец сказал он.

Это было не совсем правдой.

Но он действительно не понимал, что именно помнил.

Лекарь поднялся.

— Хорошо. На сегодня достаточно. Никакой магии, никаких занятий и никаких самостоятельных исследований.

— А книги?

— Только если в них нет слов «эксперимент», «проклятие» и «как совершить величайшую глупость в истории медицины».

— Последняя звучит интересно.

— Майнис!

— Молчу.

Краус пришёл под вечер, застав Фила за попыткой добраться до шкафа с едой без посторонней помощи.

За окном уже густели сумерки, и стекло отражало слабый свет прикроватной лампы. Фил успел убедить себя, что может встать совершенно самостоятельно, но ноги после первых шагов предательски задрожали. Он ухватился за спинку стула и подождал, пока головокружение отступит. Именно в этот момент дверь открылась. На пороге возник Краус, опирающийся на трость, с выражением человека, который заметил чужую глупость ещё до того, как вошёл в комнату.

Попытка закончилась неудачей.

— Ты куда собрался?

Фил замер, стоя босиком посреди палаты.

— Прогуляться.

Краус посмотрел на него.

Потом на шкаф.

Потом снова на него.

— Впечатляющий маршрут.

— Мне разрешили вставать.

— А воровать продукты?

— Это не воровство. Это экстренное пополнение жизненных сил.

Краус закрыл дверь и поставил на стол небольшой свёрток.

— Тогда тебе повезло.

Внутри оказались хлеб, сыр и два пирожка.

Фил посмотрел на еду почти с благоговением.

— Вы спасли мне жизнь.

— В отличие от тебя, я предпочитаю менее рискованные способы спасения.

Фил смущённо улыбнулся.

Краус устроился у кровати и молча дождался, пока Фил расправится с первым пирожком.

— Ты нарушил приказ, — наконец произнёс он.

Фил перестал жевать.

— Знаю.

— И наше соглашение.

Фил опустил взгляд.

— Знаю.

Краус не повышал голос.

Он говорил негромко и ровно, не пытаясь выиграть спор силой. От этого каждое слово звучало отчётливее. Фил мог бы возразить, что испугался, что видел перед собой человека, которому становилось хуже с каждой минутой, что ожидание казалось невыносимым. Всё это было правдой. Но правдой было и другое: он вмешался, не зная последствий, и теперь последствия могли затронуть не только его самого. Фил впервые за весь день перестал искать оправдание и попытался дослушать.

От этого становилось только хуже.

— Я просил тебя не вмешиваться без моего согласия.

— Вы были без сознания.

— Именно поэтому следовало позвать лекаря.

— Я позвал.

— И всё равно решил действовать самостоятельно.

Фил положил остаток пирожка.

— Мне показалось, что вы умираете.

Краус некоторое время молчал.

— Я не умирал.

— Я тогда этого не знал.

— И поэтому решил рискнуть собственной жизнью?

— Я не собирался рисковать жизнью.

— Что делает произошедшее ещё хуже.

Фил поднял голову.

— Вы бы предпочли, чтобы я просто смотрел?

Краус нахмурился.

— Я предпочёл бы, чтобы ты не превращал свою доброту в способ самоубийства.

— Это несправедливо.

— Возможно.

— Я пытался помочь.

— Я знаю.

Они замолчали.

За окном кричали птицы. Во внутреннем дворе кто-то громко ругался, пытаясь заставить учебного голема перестать ходить кругами. Краус откинулся на спинку стула.

— Фил.

Молодой лекарь поднял глаза.

Впервые Краус назвал его сокращённым именем.

— Я благодарен тебе, — сказал бывший инквизитор. — Но не хочу, чтобы однажды мне сообщили, что я чувствую себя лучше исключительно потому, что ты умер.

Фил медленно кивнул.

— Понимаю.

— Не уверен.

— Я правда понимаю.

Краус вздохнул.

— Тогда договоримся ещё раз. Если ты обнаружишь что-то полезное, мы обсуждаем это вместе. С лекарями. С оценкой риска. Без внезапных подвигов посреди ночи.

Фил немного подумал.

— Хорошо.

— И никаких тайных экспериментов на себе.

— А если совсем маленьких?

— Майнис.

— Ладно, ладно.

Краус покачал головой.

— Ты когда-нибудь научишься слушаться?

Фил взял второй пирожок.

— Надеюсь, нет.

— Почему?

— Тогда жизнь станет скучной.

— С тобой она скорее станет короткой.

Ночью Фил проснулся от странного ощущения.

В палате было темно.

Только слабый свет магического светильника падал на стену возле двери. Фил лежал неподвижно.

Что-то изменилось.

Он не сразу понял что.

Обычно собственная магия ощущалась как мягкое тепло возле сердца. Стоило сосредоточиться, и энергия послушно отзывалась, растекаясь по каналам. Сейчас тепло осталось. Но рядом с ним появилось нечто другое.

Холодное.

Тихое.

Чужое.

Фил осторожно прикрыл глаза.

Попытался прислушаться.

Его магическое ядро работало нормально. Резерв постепенно восстанавливался. Повреждённый канал в руке отзывался неприятным покалыванием, но разрушение не распространялось.

А глубже…

Словно за привычным ощущением целительской магии существовал ещё один способ воспринимать окружающий мир. Фил нахмурился.

Он не пытался использовать силу.

Просто прислушивался.

И вдруг почувствовал за стеной что-то странное. Не движение.

Не тепло.

Не живую ауру.

Скорее отсутствие того, что обычно присутствовало во всём живом. Он открыл глаза.

За стеной находилось помещение для хранения учебных анатомических препаратов. Фил прекрасно это знал.

Он сам несколько раз помогал переносить туда останки животных, которые использовали для изучения строения тела. Ничего необычного.

Однако сейчас ему казалось, что он способен различить каждый неподвижный предмет в соседнем помещении.

Точнее, не каждый.

Только те, что когда-то были живыми.

Фил медленно сел.

— Что за…

Ощущение исчезло.

Он снова закрыл глаза.

Сосредоточился.

Тишина.

Затем слабый отклик.

Будто что-то невидимое ждало его внимания. Фил почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он резко прекратил попытку.

— Нет уж.

Некоторое время сидел неподвижно.

Потом лёг обратно.

Накрылся одеялом.

И очень старательно попытался уснуть.

Не получилось.

Утром Фил решил, что ему всё приснилось.

Это было разумное объяснение. У него было магическое истощение, повреждение каналов и почти сутки бессознательного состояния.

Галлюцинации в подобных обстоятельствах не являлись чем-то невероятным. К тому же он совершенно не хотел рассказывать старшему лекарю, что ночью чувствовал мёртвых животных через стену.

Тот и без того считал его опасным идиотом. Не стоило предоставлять дополнительные доказательства. Однако к полудню странное ощущение вернулось.

Фил сидел возле окна и читал разрешённую книгу по общей анатомии. В коридоре прошли двое санитаров.

Один нёс деревянный ящик.

Фил не видел его содержимого.

Но почему-то совершенно отчётливо почувствовал внутри маленькое неподвижное тело.

Он поднял голову.

— Простите!

Санитары остановились.

— Что такое?

Фил посмотрел на ящик.

— Что вы несёте?

— Учебный материал.

— Какой?

— Дохлую крысу, — ответил один из санитаров. — Алхимики попросили передать.

Фил почувствовал, как пересохло во рту.

— Понятно.

— Тебе плохо?

— Нет. Спасибо.

Санитары ушли.

Фил медленно закрыл книгу.

Совпадение.

Должно быть совпадение.

Он мог услышать запах.

Или догадаться по форме ящика.

Или…

Фил замер.

Нет.

Он не чувствовал запаха.

И ящик был закрыт.

Он посмотрел на собственные руки.

— Что со мной происходит?

Ответа не последовало.

Зато в глубине магии снова возникло слабое холодное ощущение.

К вечеру Фил окончательно убедил себя, что необходимо разобраться. Не применять неизвестную силу.

Не экспериментировать.

Просто выяснить, что именно он чувствует. Он дождался, когда дежурная помощница уйдёт за лекарствами, и осторожно вышел из палаты.

Коридор был пуст.

Фил направился к анатомическому отделению. Там хранились учебные препараты, кости животных и несколько старых скелетов, использовавшихся студентами.

Он остановился возле двери.

На мгновение заколебался.

Вспомнил предупреждение Крауса.

Обещание.

И собственное решение не совершать больше глупостей.

— Я просто посмотрю, — прошептал он.

Открыл дверь.

Помещение оказалось небольшим и прохладным.

Вдоль стен стояли шкафы.

На полках лежали тщательно подписанные коробки. В углу возвышался собранный человеческий скелет, закреплённый на металлической стойке.

Фил посмотрел на него.

Ничего.

Обычные кости.

Он прикрыл глаза.

Сосредоточился на странном ощущении.

Холодный отклик появился почти сразу.

Фил вздрогнул.

Теперь он чувствовал не только скелет. В шкафах находились десятки небольших останков животных.

Птицы.

Грызуны.

Какие-то мелкие существа, названия которых он даже не знал. Каждое оставляло в его восприятии едва заметный след. Но это были не живые ауры.

Не обычные магические остатки.

Что-то совершенно иное.

Фил открыл глаза.

— Невозможно…

Он осторожно приблизился к шкафу.

На нижней полке стояла небольшая коробка.

На крышке было написано:

«Мышь полевая. Учебный образец».

Фил поднял её.

Открыл.

Внутри лежал маленький скелет.

Чистые белые косточки.

Ничего особенного.

Фил смотрел на него несколько секунд.

Потом снова почувствовал холодный отклик.

На этот раз сильнее.

Он не произносил заклинаний.

Не направлял ману.

Даже не пытался ничего изменить. Просто хотел понять, почему ощущает останки так отчётливо. И вдруг одна маленькая косточка шевельнулась. Фил застыл.

— Что?..

Косточка снова дёрнулась.

Затем ещё одна.

Маленький череп повернулся. Фил почувствовал, как сердце пропустило удар.

Скелет мыши медленно поднялся на четыре лапки. Постоял.

Пошевелил хвостом.

И посмотрел на него пустыми глазницами.

Фил открыл рот.

Закрыл.

Снова открыл.

— Мама…

Мышь склонила голову набок.

Затем неожиданно побежала по его ладони.

Фил взвизгнул.

Коробка полетела на пол.

Мышь прыгнула на стол.

Пробежала между банками.

Остановилась возле кусочка засохшего хлеба.

Попыталась его погрызть.

Разумеется, ничего не получилось.

Зубы стучали по корке.

Фил стоял неподвижно.

В голове не осталось ни одной разумной мысли. Мышь снова попыталась откусить хлеб.

Потом обиженно оттолкнула его носом.

И принялась умываться передними лапками.

Фил медленно опустился на стул.

— Я сошёл с ума.

Мышь посмотрела на него.

— Совершенно точно.

Мышь поднялась на задние лапки.

Фил закрыл лицо руками.

— Этого не может быть.

Раздался тихий стук косточек.

Он осторожно раздвинул пальцы.

Мышь сидела прямо перед ним.

И держала в зубах маленький кусочек нитки.

Фил посмотрел на неё.

Она посмотрела на него.

— Ты… живая?

Мышь не ответила.

Разумеется.

Фил осторожно протянул палец.

Скелет обнюхал его.

Точнее, сделал движение, которое при жизни наверняка означало обнюхивание. Затем забрался ему на ладонь.

Фил почувствовал холод.

Но не тот, который сопровождал проклятие Крауса.

Другой.

Спокойный.

Почти естественный.

Словно эта маленькая неживая сущность каким-то непостижимым образом была связана с его магией. Фил сглотнул.

— Что же я такое сделал?..

Мышь уселась на ладони.

И начала чесать задней лапкой место, где когда-то находилось ухо. Фил нервно рассмеялся.

— Великолепно. Я только что оживил дохлую мышь, а она ведёт себя так, будто ничего особенного не произошло.

Он снова посмотрел на маленький скелет.

Улыбка постепенно исчезла.

Потому что теперь он понял главное.

Это не было целительством. Целительская магия восстанавливала живые ткани.

Ускоряла заживление.

Помогала организму справляться с повреждениями.

Но здесь не было ни тканей, ни крови, ни дыхания.

Только кости.

И какая-то сила, заставлявшая их двигаться. Фил почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он вспомнил старые легенды.

Сказки о магах, разговаривавших с мёртвыми. О древних колдунах, способных поднимать павших воинов.

О школе магии, исчезнувшей задолго до рождения его прадедов. Он всегда считал эти истории выдумкой.

Или сильным преувеличением.

Но сейчас маленький скелет мыши сидел у него на ладони. И старательно пытался умыть несуществующую мордочку. Фил прошептал:

— Некромантия…

Слово прозвучало настолько нелепо, что он почти рассмеялся. Почти.

Потому что в этот момент за дверью послышались шаги. Фил резко поднял голову.

— Кто здесь? — раздался голос дежурной помощницы.

Мышь повернулась к двери.

Фил побледнел.

— Только не сейчас…

Дверная ручка начала поворачиваться.

Фил посмотрел на мышь.

На коробку.

На рассыпанные по полу косточки. И понял, что объяснить происходящее будет чрезвычайно трудно.

Особенно учитывая, что он сам ничего не понимал.

— Спрячься! — прошептал он.

Мышь мгновенно прыгнула в рукав его одежды.

Фил замер.

Он не ожидал, что она послушается.

Дверь открылась.

На пороге стояла молодая помощница.

— Майнис? Что ты здесь делаешь?

Фил медленно повернулся.

— Изучаю анатомию.

Девушка посмотрела на рассыпанную коробку.

Потом на его бледное лицо.

— Ночью?

— Очень увлекательная наука.

— Тебе же велели лежать!

— Я лежал.

— И?

— Потом встал.

Она закрыла глаза.

— Теперь я понимаю, почему старший лекарь постоянно кричит.

Фил виновато улыбнулся.

Внутри рукава что-то зашевелилось.

Он едва не подпрыгнул.

— Всё хорошо? — подозрительно спросила помощница.

— Да!

— Ты какой-то странный.

— Мне часто говорят.

Мышь начала карабкаться выше. Фил почувствовал, как маленькие костяные лапки цепляются за ткань.

— Майнис?

— Да?

— Почему у тебя дёргается плечо?

— Нервное.

— Что нервное?

— Плечо.

Девушка долго смотрела на него.

Потом тяжело вздохнула.

— Возвращайся в палату. Немедленно.

— Конечно.

Фил поспешил к двери.

— И убери за собой!

— Обязательно!

Он вышел в коридор.

Сделал несколько шагов.

Остановился.

Осторожно заглянул в рукав.

Маленький череп мыши выглянул навстречу.

Фил медленно выдохнул.

— Ну и что мне теперь с тобой делать?

Мышь пошевелила хвостом.

— Очень содержательный ответ.

Он спрятал руку под одеждой и направился к палате. Его сердце колотилось.

Мысли путались.

Он только что нарушил обещание не проводить самостоятельных экспериментов. Хотя, строго говоря, эксперимента не планировал.

И результат оказался настолько невероятным, что обычные правила магии перестали казаться надёжными. Фил посмотрел на закрытые двери палат.

Вспомнил Крауса.

Его проклятие.

Холодное воздействие, которое перешло в собственную магическую сеть Фила. И странную силу, проснувшуюся после этого.

Совпадение?

Возможно.

Но теперь он был уверен в одном.

С ним произошло нечто гораздо более серьёзное, чем обычное магическое повреждение. И если кто-нибудь узнает, что он способен поднимать мёртвых…

Фил даже не представлял, что будет. Он осторожно погладил маленький череп указательным пальцем.

— Похоже, нам обоим лучше пока помолчать.

Мышь тихонько щёлкнула зубами.

— Вот и договорились.

В кабинете ректора Альбрехт фон Равенхольм снова открыл древнюю рукопись. Он долго изучал повреждённую схему магических каналов.

Затем перевернул страницу. На обороте сохранилась короткая запись, сделанная почти тысячу лет назад.

Чернила сильно выцвели.

Некоторые слова невозможно было разобрать.

Но одна фраза читалась совершенно отчётливо:

«Разрушение не прекращается с истощением резерва. Пока сохраняется связанный путь к сердцевине, процесс продолжается».

Альбрехт медленно провёл пальцем по строке.

— Кто же ты такой?.. — прошептал он.

Он не знал, кто написал эти слова. Не знал, что стало с пациентом, которого описывала рукопись.

И совершенно не понимал, почему древние наблюдения так тревожно напоминали состояние Крауса. Старый маг закрыл книгу.

За окном академии гасли последние огни. А двумя этажами ниже молодой лекарь пытался убедить скелет мыши перестать грызть край подушки.

Пока ни один из них не представлял, насколько необычными окажутся ближайшие дни.

Глава 5. У каждого свои скелеты в шкафу

Утром Филларион Майнис обнаружил в своей постели мёртвую мышь. Само по себе это уже испортило бы настроение, но находка, к несчастью, не собиралась лежать спокойно.

Мышь сидела на подушке, старательно умывалась передними лапками и время от времени поворачивала к хозяину маленький череп.

За неплотно закрытыми ставнями просыпалась академия: в коридоре скрипнула половица, снизу донёсся стук ведра о каменные ступени, а по стеклу медленно ползли бледные полосы рассвета. Фил ещё помнил вчерашний вечер — тяжесть в левой руке, слова лекаря и собственное обещание не приближаться к опасной магии. И всё же первым, что он увидел после беспокойного сна, оказалось создание, которое не должно было ни двигаться, ни тем более вести себя так, словно постель принадлежала ему по праву. Фил открыл глаза.

Посмотрел на неё.

Закрыл глаза.

Медленно сосчитал до десяти.

Открыл снова.

Мышь никуда не исчезла.

— Значит, не приснилось.

Скелетик щёлкнул зубами.

— Прекрасно. У меня теперь есть домашнее животное, которое не нужно кормить.

Мышь заинтересованно повернулась к лежавшему на тумбочке сухарю.

— Хотя привычки у тебя остались.

Фил осторожно сел.

Ночью Фил не раз просыпался, чтобы проверить, не исчезло ли создание, однако всякий раз обнаруживал его поблизости.

Один раз она попыталась забраться ему в волосы. Другой — спряталась под одеялом.

Под утро мышь окончательно обосновалась на подушке, будто имела на неё полное право. Фил осторожно поднял скелетик на ладонь.

Косточки оставались холодными; Фил не чувствовал ни дыхания, ни сердцебиения, ни обычной ауры живого существа.

Но внутри этой маленькой конструкции ощущалась тонкая нить энергии.

Фил прислушался к ней так осторожно, как привык прислушиваться к дыханию тяжёлого пациента. Обычную целительскую магию он ощущал тёплой, податливой, словно воду, текущую по знакомым каналам. Здесь же было иначе: холодное, почти неуловимое присутствие отзывалось где-то на границе восприятия. Он не понимал, держит ли мышь эта нить или только сообщает ему о каждом её движении. Разница казалась существенной, и именно невозможность ответить пугала сильнее самого ожившего скелета.

И всё же он безошибочно чувствовал, куда тянется нить: прямо к его собственной магической сети.

Он осторожно сосредоточился.

Нить отозвалась слабым холодком.

Мышь подняла голову.

Фил нахмурился.

— Ты меня чувствуешь?

Скелетик пошевелил хвостом.

— Допустим.

Он попробовал представить простое действие.

Сиди.

Мышь замерла.

Фил моргнул, не сразу поверив, что команда сработала.

Повернись.

Скелетик повернулся.

Подними лапку.

Мышь подняла переднюю лапу.

Фил медленно улыбнулся.

— Получается…

Он задумался.

Прыгни.

Мышь оттолкнулась задними лапками, однако вместо прыжка на одеяло метнулась Филу прямо в лицо. Он успел заметить белый череп и отшатнулся.

— Ай!

Скелетик зацепился лапками за ворот рубашки и повис у него на груди.

— Не настолько высоко!

Мышь послушно спустилась на одеяло.

Фил потёр нос.

— Значит, с расстоянием ещё нужно работать.

Фил посадил создание в пустую лекарственную коробку. Картон тут же заскрёб по столу: мышь карабкалась по стенкам, пытаясь выбраться. Придержав крышку, Фил задумался, предусмотрел ли академический устав хотя бы один пункт для подобных случаев.

— Посиди здесь. И ничего не грызи.

Мышь подняла голову.

— Особенно это касается моих вещей.

Раздался стук в дверь.

Фил едва не подпрыгнул.

— Кто там?

— Майнис! — донёсся голос старшего лекаря. — Ты проснулся?

— Да!

— Тогда почему до сих пор не явился на осмотр?

Фил посмотрел на мышь.

Мышь посмотрела на него.

— Сейчас буду!

— Через пять минут!

Шаги удалились.

Фил облегчённо выдохнул.

Затем наклонился к коробке.

— Слушай внимательно. Тебя никто не должен видеть.

Мышь пошевелила усами, которых у неё не было.

— Это важно.

Она попыталась выбраться наружу. Фил осторожно прикрыл коробку крышкой, оставив небольшую щель.

— И не вздумай убегать.

Он уже направился к двери, когда услышал тихий стук. Обернулся.

Крышка коробки медленно приподнялась.

Из щели выглянул маленький череп.

Фил закрыл лицо ладонью.

— Начинается.

Старший лекарь встретил его с таким выражением, словно заранее знал, что утро будет отвратительным.

— Садись.

Фил сел на диагностическую кушетку.

Кабинет пах сушёной полынью, чистым полотном и нагретым металлом диагностических пластин. На узких полках стояли сосуды с растворами, каждый под собственной печатью, а над рабочим столом висела схема магических каналов, испещрённая пометками старшего лекаря. За стеной кто-то негромко кашлянул; затем послышались быстрые шаги дежурной сестры. Здесь всё напоминало Филу о том, ради чего он пришёл учиться: о живых людях, которым нельзя помочь одним только любопытством.

— Как самочувствие?

— Хорошее.

— Боль?

— Почти нет.

— Головокружение?

— Нет.

— Нарушения чувствительности?

Фил помедлил.

— Какие именно?

Лекарь поднял взгляд.

— Любые необычные ощущения.

Фил вспомнил, как чувствовал останки животных через стену.

— Иногда немного холодно.

— Где?

— Внутри.

— Очень точное медицинское описание, Майнис.

— Я стараюсь.

Лекарь тяжело вздохнул.

— Показывай руку.

Фил протянул левую ладонь. Тёмная линия на предплечье стала значительно бледнее.

Старший лекарь осторожно провёл над ней пальцами. Мягкое золотистое свечение окутало кожу.

Фил почувствовал знакомое тепло диагностического заклинания.

— Больно?

— Нет.

— А сейчас?

Лекарь изменил направление магического потока. Фил вздрогнул.

— Немного.

— Где?

— Возле запястья.

— Хорошо.

— Для кого?

— Для меня. Для тебя пока не решил.

Он установил небольшой диагностический артефакт. Над рукой появилась полупрозрачная схема магических каналов.

Фил внимательно посмотрел на неё.

Повреждение действительно оставалось.

Один тонкий канал был нестабилен.

На полупрозрачной схеме он мерцал неравномерно, будто тонкая трещина в стекле, которую кто-то пытался стянуть золотой нитью. Фил невольно задержал дыхание. На занятиях такие повреждения показывали на учебных моделях, и там всегда можно было остановить демонстрацию, отложить инструмент, начать заново. Сейчас изображение повторяло устройство его собственной руки, а старший лекарь не спешил с выводами. Эта сдержанность была страшнее любого резкого замечания.

Но разрушение не продвигалось.

Более того, вокруг повреждённого участка наблюдалось необычное распределение целительской энергии.

— Странно, — пробормотал лекарь.

Фил напрягся.

— Что именно?

— Твоя магическая сеть компенсирует повреждение лучше, чем я ожидал.

— Это хорошо?

— В целом да.

— Тогда почему вы выглядите так, словно обнаружили у меня вторую голову?

— Потому что я не понимаю механизма.

Фил посмотрел на схему.

— Может, это связано с моей специализацией?

— Возможно. Целители действительно лучше других магов приспособлены к восстановлению живых тканей и стабилизации повреждений.

— Значит, я просто удачно сопротивляюсь проклятию?

— Не спеши с выводами. Мы ещё не знаем, насколько долго сохранится это состояние.

Лекарь выключил артефакт.

— Пока никаких признаков активного разрушения нет. Но это не означает, что опасность миновала.

Фил кивнул.

— Понял.

— И ещё.

— Да?

— Я запрещаю тебе использовать магию до следующего обследования.

Фил открыл рот.

— Даже…

— Даже маленькую.

— Но…

— Даже совсем маленькую.

Фил закрыл рот.

Старший лекарь подозрительно прищурился.

— Почему у меня такое чувство, что ты уже собирался спросить, можно ли нарушить запрет исключительно в научных целях?

— Не знаю.

— Майнис.

— Хорошо, я понял.

Лекарь некоторое время смотрел на него.

Затем неожиданно произнёс:

— Ты талантливый целитель, Филларион.

Фил удивлённо поднял голову. Старший лекарь редко называл его полным именем.

Ещё реже — хвалил.

— Спасибо.

— Именно поэтому мне особенно не хочется однажды обнаружить тебя мёртвым из-за собственной самоуверенности.

Фил опустил глаза.

— Я не хотел…

— Знаю.

Лекарь помолчал.

— Ты хотел спасти человека. Это достойное желание. Но желание не заменяет знаний.

— Понимаю.

— Надеюсь.

Он подвинул к себе журнал.

— Можешь идти. И постарайся хотя бы сегодня не совершить ничего, что потребует отдельного медицинского отчёта.

Фил поднялся.

— Постараюсь.

— Вот именно этого ответа я и боялся.

Краус обнаружился во внутреннем дворе.

Двор лежал между двумя крыльями академии, и утренний свет добирался сюда поздно. Мокрые листья липли к плитам дорожек, вода в старом фонтане едва слышно переливалась через потемневший каменный край. За аркадой то и дело мелькали ученики с книгами под мышкой; некоторые замедляли шаг, узнавая бывшего инквизитора, но подходить не решались. Краус, казалось, давно научился не замечать чужих взглядов. Фил же ощущал их почти физически и потому невольно выпрямил плечи, прежде чем заговорить.

На этот раз без меча.

Он сидел на каменной скамье возле старого фонтана и читал книгу. Фил остановился перед ним.

— Доброе утро.

Краус поднял глаза.

— О, наш великий спаситель.

Фил поморщился.

— Только не начинайте.

— Почему? Я уже придумал тебе памятник.

— Какой?

— Небольшой. Чтобы не занимал много места.

— Очень любезно.

— Надпись тоже готова.

— Боюсь спрашивать.

— «Здесь лежит Филларион Майнис. Он хотел как лучше».

Фил вздохнул.

— Вы ужасный человек.

— Мне говорили.

Краус закрыл книгу.

— Как рука?

— Лучше.

— Что сказал лекарь?

— Повреждение не распространяется.

— Хорошо.

— Но магию использовать пока нельзя.

— Ещё лучше.

Фил сел рядом.

Некоторое время они молчали.

Вода тихо журчала в фонтане. Где-то неподалёку студенты тренировались создавать простейшие защитные барьеры.

Один барьер неожиданно лопнул, окатив своего создателя водой из учебного резервуара. Краус посмотрел в ту сторону.

— Слабая концентрация.

Фил усмехнулся.

— Вы даже отдыхая оцениваете студентов?

— Профессиональная болезнь.

— У вас их и так достаточно.

— Благодарю за напоминание.

Фил смутился.

— Извините.

Краус махнул рукой.

— Не страшно.

Он некоторое время смотрел на фонтан.

— Я говорил с ректором.

Фил повернулся.

— Обо мне?

— В том числе.

— И что он сказал?

— Что ты талантливый, упрямый и совершенно не понимаешь, насколько опасными могут быть некоторые магические воздействия.

— Все сегодня сговорились?

— Нет. Просто вывод очевиден.

Фил вздохнул.

— А что ещё?

Краус помолчал.

— Альбрехт хочет лично поговорить с тобой.

Фил почувствовал неприятный холодок.

— С ректором?

— Именно.

— Зачем?

— Подозреваю, он хочет выяснить, каким образом восемнадцатилетний ученик сумел сделать то, что не удалось нескольким опытным лекарям.

— Я и сам хотел бы это знать.

— Прекрасно. Значит, разговор будет коротким.

Фил посмотрел на него.

— Вы думаете, меня исключат?

Краус удивлённо поднял бровь.

— За что?

— За нарушение запрета.

— Ты нарушил медицинское распоряжение, а не устроил пожар в академии.

Фил отвёл взгляд.

Краус прищурился.

— Ты ведь не устраивал пожар?

— Не в последнее время.

— Фил.

— Это была лабораторная ошибка.

Краус медленно закрыл лицо ладонью.

— Боги, за что мне это?

Ректор Альбрехт фон Равенхольм оказался совсем не таким, каким Фил представлял главу Королевской магической академии. Он ожидал увидеть сурового старца в роскошной мантии, окружённого древними книгами и магическими артефактами.

Книги действительно были.

Артефакты тоже.

Но сам ректор сидел за письменным столом в домашних туфлях, ел засахаренные орехи и пытался заставить маленькую деревянную фигурку дракона перестать кусать его перо.

— Проклятая игрушка! — проворчал он. — Я же велел тебе охранять чернильницу!

Дракончик щёлкнул деревянными челюстями.

— Не перо! Чернильницу!

Фил остановился на пороге.

Краус, стоявший рядом, даже не удивился.

— Альбрехт.

Старый маг поднял голову.

— А, Краус! Заходи, мальчик мой.

— Мне двадцать семь.

— Именно. Совсем ребёнок.

Краус тяжело вздохнул.

— Я привёл Майниса.

Ректор посмотрел на Фила. Его глаза неожиданно оказались очень внимательными.

— Так вот ты какой.

Фил неловко поклонился.

— Господин ректор.

— Брось церемонии. От них у меня спина болит сильнее.

Он указал на кресло.

— Садись.

Фил осторожно сел.

Деревянный дракончик на столе повернул голову в его сторону. Фил предпочёл сделать вид, что ничего не заметил.

Альбрехт взял ещё один орех.

— Итак. Ты тот самый юноша, который решил лечить проклятие, не понимая его природы.

Фил опустил голову.

— Да.

— Прекрасно.

Фил удивлённо поднял взгляд.

— Простите?

— Я сказал — прекрасно. Наконец-то в академии появился кто-то, способный совершать глупости интереснее моих студентов.

Краус кашлянул.

— Альбрехт.

— Что?

— Ты собирался поговорить серьёзно.

— Ах да.

Ректор отложил орехи.

Его лицо изменилось.

Весёлое выражение исчезло.

— Филларион, расскажи мне всё, что произошло в палате Крауса.

Фил начал говорить.

Он описал приступ.

Состояние магической сети.

Попытку поддержать здоровые узлы.

Холодное сопротивление.

И момент, когда чужое воздействие перешло в его собственные каналы. Альбрехт слушал молча.

Лишь иногда задавал уточняющие вопросы.

— Ты почувствовал движение воздействия?

— Да.

— Оно следовало за твоей целительской энергией?

— Мне так показалось.

— А затем?

Фил замялся.

— Потом я потерял сознание.

Ректор посмотрел на него.

— Совсем ничего не помнишь?

Фил почувствовал, как внутри всё сжалось.

Он вспомнил странную дверь.

Холод.

Мёртвую мышь.

И маленькую нить силы, связывавшую его с костяным созданием.

— Я помню ощущение чего-то необычного, — осторожно ответил он.

Альбрехт слегка наклонился вперёд.

— Какого именно?

Фил посмотрел на Крауса.

Тот сидел возле окна и внимательно наблюдал за разговором.

— Я не знаю, как это объяснить.

Ректор помолчал.

Затем неожиданно улыбнулся.

— Попробуй.

Фил глубоко вдохнул.

— Как будто моя магия стала другой.

Альбрехт перестал улыбаться.

— Другой?

— Да.

— В каком смысле?

Фил сглотнул.

— Я начал чувствовать вещи, которых раньше не чувствовал.

— Например?

Фил долго молчал.

Потом тихо произнёс:

— Мёртвых.

В кабинете стало очень тихо. Деревянный дракончик перестал щёлкать зубами.

Краус медленно повернул голову.

Альбрехт не двигался.

— Повтори, — наконец сказал он.

Фил почувствовал, как пересохло во рту.

— Я чувствую мёртвые тела. Иногда даже через стены.

Ректор осторожно положил руки на стол.

— Ты уверен, что это не последствия магического истощения?

— Я тоже так думал.

— А теперь?

Фил посмотрел на свои ладони.

— Теперь не уверен.

Краус нахмурился.

— Фил, что именно ты сделал?

Фил закрыл глаза.

Он обещал не проводить тайных экспериментов.

И уже нарушил обещание.

Причём результат оказался настолько невероятным, что рассказывать о нём было страшно.

— Я случайно поднял мёртвую мышь.

Тишина стала почти осязаемой.

Альбрехт медленно моргнул.

— Что?

— Мышь.

— Я услышал слово.

— Она была мёртвая.

— Это я тоже понял.

— А потом начала двигаться.

Краус посмотрел на ректора.

Ректор посмотрел на Крауса.

Затем оба снова повернулись к Филу.

— Где она? — спросил Альбрехт.

Фил неловко поёрзал.

— Со мной.

Краус закрыл глаза.

— Разумеется.

Фил осторожно сунул руку во внутренний карман одежды. Достал маленькую коробочку.

Открыл крышку.

Изнутри выглянул крошечный череп.

Мышь поднялась на задние лапки.

Осмотрела кабинет.

А затем попыталась выбраться наружу.

Альбрехт медленно встал.

Краус тоже поднялся.

Фил осторожно поставил коробку на стол.

Мышь выпрыгнула.

Пробежала между бумагами.

Остановилась возле деревянного дракончика.

Они некоторое время смотрели друг на друга.

Затем мышь щёлкнула зубами.

Дракончик ответил тем же. Фил почувствовал, что ситуация становится всё более нелепой.

— Она безобидная, — поспешно сказал он.

Мышь попыталась откусить дракону хвост.

— Почти.

Альбрехт медленно опустился обратно в кресло.

— Невероятно…

Краус смотрел на маленький скелет.

— Это точно не артефакт?

— Нет, — ответил Фил.

— Иллюзия?

— Нет.

— Очень странная разновидность голема?

— Не думаю.

Краус некоторое время молчал.

Затем произнёс:

— Фил.

— Да?

— Ты понимаешь, что только что показал нам?

Фил кивнул.

— Кажется.

Альбрехт поднял руку.

— Подожди.

Он осторожно приблизил пальцы к мыши. Тонкая нить магического света коснулась её косточек.

Мышь замерла.

Ректор нахмурился.

Изменил заклинание.

Попробовал снова.

Его лицо становилось всё серьёзнее.

Наконец он отстранился.

— Это не обычная анимация.

Фил почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Тогда что?

Альбрехт посмотрел на него. Впервые за всё время знакомства старый маг выглядел по-настоящему растерянным.

— Я не знаю.

Краус нахмурился.

— Но у тебя есть предположение.

Ректор медленно кивнул.

— Есть.

Он посмотрел на маленький скелет. Тот в этот момент пытался забраться внутрь чернильницы.

— Если я не ошибаюсь, — тихо произнёс Альбрехт, — мы наблюдаем проявление магии, которую никто не видел почти тысячу лет.

Фил затаил дыхание.

Краус медленно выпрямился.

Ректор произнёс одно слово:

— Некромантия.

Некоторое время никто не говорил. Мышь воспользовалась этим, чтобы опрокинуть чернильницу.

Чёрные чернила растеклись по столу.

Альбрехт посмотрел на пятно.

Потом на мышь.

Потом на Фила.

— И первое, что делает возродившаяся древняя школа магии, — портит мои документы.

Краус неожиданно рассмеялся.

Фил тоже не удержался.

Даже Альбрехт улыбнулся.

Но веселье быстро прошло.

Ректор осторожно собрал испачканные бумаги.

— Филларион, ты должен понимать одну вещь.

Фил кивнул.

— Какую?

— Если это действительно некромантия, мы имеем дело с магией, о которой почти ничего не знаем.

— Но ведь должны существовать книги?

— Легенды. Обрывки упоминаний. Старые хроники. Однако полноценной школы обучения не сохранилось.

— Почему?

Альбрехт медленно покачал головой.

— Не знаю.

Краус нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что целая школа магии просто исчезла?

— Именно.

— И никто не знает причины?

— Насколько мне известно, достоверного объяснения нет.

Фил посмотрел на мышь.

Та уселась возле его руки.

— Значит, я первый за тысячу лет?

Альбрехт не ответил сразу.

— Возможно. Но утверждать это наверняка было бы слишком самонадеянно.

Краус сложил руки на груди.

— И что теперь?

Ректор посмотрел на обоих.

— Прежде всего — осторожность.

Фил вздохнул.

— Я уже слышал это слово.

— И, судя по всему, недостаточно часто.

Альбрехт поднялся.

— Пока об этом знаем только мы трое.

Краус кивнул.

Фил тоже.

— Никому больше, — продолжил ректор. — Даже старшему лекарю.

Фил нахмурился.

— Но он мой наставник.

— И хороший человек. Однако мы пока не понимаем природу твоей новой способности. Прежде чем распространять сведения, нужно хотя бы выяснить, с чем имеем дело.

Краус внимательно посмотрел на Альбрехта.

— Только не превращай это в очередную тайну, которую будешь хранить до собственной смерти.

Ректор поморщился.

— Ты всегда был ужасно неблагодарным ребёнком.
— Я уже говорил, что мне двадцать семь.
— Для меня это ничего не меняет.
Фил осторожно поднял мышь на ладонь.
Она тут же принялась умываться.
— А что мне делать с ней?
Альбрехт посмотрел на скелетик.
— Пока оставь у себя. Но никаких самостоятельных экспериментов.
Фил открыл рот.
Краус указал на него пальцем.
— Даже маленьких.
Фил закрыл рот.
Ректор тяжело вздохнул.
— Кажется, нам предстоит очень долгая работа.
Мышь щёлкнула зубами.
И деревянный дракончик на столе ответил ей тем же.

Глава 6. Три человека и одна очень мёртвая мышь

Филларион Майнис всегда считал, что самое неприятное в нарушении правил — это наказание.

По дороге к ректору Фил несколько раз повторил про себя объяснение, но с каждой попыткой оно звучало нелепее. Ещё вчера его главной бедой был повреждённый магический канал, а теперь предстояло рассказать, почему за ним бегает мёртвая мышь. Под сводами главного корпуса гулко отдавались шаги; холод каменных стен и хмурое небо за окнами только усиливали ощущение предстоящего допроса. Теперь Фил понимал, что ошибался.

Гораздо хуже наказания оказалось сидеть перед двумя мужчинами, которые смотрели на него так, будто он поджёг академию, вызвал демона и предложил тому заняться уборкой.

Причём один из мужчин был ректором этой самой академии. А второй — бывшим королевским инквизитором.

Фил примостился на краю стула и избегал встречаться взглядом с ректором и Краусом. Утренний свет из высоких окон ложился на бумаги и пыльные корешки книг. Только мышь чувствовала себя совершенно свободно: посреди стола она настойчиво пыталась утащить засахаренный орех.

— Итак, — произнёс Альбрехт фон Равенхольм, — начнём с самого важного.

Фил выпрямился.

— Я слушаю.

— Как ты её назвал?

Фил моргнул.

— Кого?

Ректор указал на мышь.

— Её.

— Никак.

Альбрехт нахмурился.

— Непорядок.

Краус медленно повернул голову.

— Альбрехт.

— Что?

— Мы обсуждаем появление исчезнувшей школы магии.

— Совершенно верно.

— И первое, что тебя интересует, — имя мыши?

— Имена важны, Краус. Особенно когда существо, которое должно быть мёртвым, пытается украсть мой завтрак.

Мышь вцепилась в орех зубами и, не сумев поднять его, поволокла к краю стола, упираясь лапками в столешницу.

Фил осторожно забрал добычу.

— Не надо.

Мышь посмотрела на него пустыми глазницами.

Затем отвернулась.

— Кажется, обиделась, — заметил Альбрехт.

— У неё нет чувств, — сказал Краус.

Фил посмотрел на скелетик.

— Откуда вы знаете?

Краус собрался ответить, но передумал и после короткого молчания признал:

— Хороший вопрос.

Ректор довольно улыбнулся.

— Вот видишь? Уже начинаем делать научные открытия.

Лишь после того, как чернильницу убрали, а деревянного дракончика водворили на верхнюю полку, Альбрехт вернулся к делу и достал чистый лист.

— Филларион, расскажи подробно, что происходило в анатомическом отделении.

Фил рассказал, как почувствовал останки сквозь стену, открыл коробку и попытался разобраться в необычном ощущении — а затем увидел, как маленький скелет поднялся сам собой.

Ректор внимательно слушал.

— Ты произносил заклинание?

— Нет.

— Создавал магическую конструкцию?

— Нет.

— Направлял энергию через руки?

Фил задумался.

— Неосознанно — возможно. Но привычного потока целительской магии я не чувствовал.

Альбрехт сделал пометку.

Перо негромко заскрипело по бумаге. Фил следил за его движением и вдруг понял, насколько мало знает о собственном открытии. Ректор задавал короткие, точные вопросы, не пытаясь заранее назвать происходящее чудом или проклятием. Такая осторожность одновременно успокаивала и раздражала: Филу хотелось услышать определённый ответ, но всякий раз, когда он собирался предположить объяснение, обнаруживалась новая неизвестная деталь. Даже крошечный скелет на столе казался спокойнее всех присутствующих.

— А сейчас связь сохраняется?

— Да.

— Можешь описать её?

Фил посмотрел на мышь.

Та сидела на краю стола и старательно чесала задней лапкой место, где когда-то находилось ухо.

— Словно тонкая нить. Я не вижу её глазами, но чувствую.

— Где начинается эта нить?

Фил прикрыл глаза.

Прислушался.

Тёплая энергия целительства привычно отзывалась возле сердца. А холодная…

Он нахмурился.

— Не понимаю.

— Не торопись.

— Она связана с моей магической сетью. Но ощущается иначе. Не как обычный поток маны.

— Возле ядра?

— Нет. То есть… не совсем.

Фил открыл глаза.

— Мне трудно объяснить.

Альбрехт кивнул.

— Тогда не будем придумывать объяснение раньше наблюдений.

Краус, сидевший у окна, скрестил руки на груди.

— Наконец-то разумная мысль.

Ректор посмотрел на него.

— Я могу попросить тебя выйти.

— Можешь.

— И?

— Я откажусь.

Альбрехт вздохнул.

— Совсем как твой отец.

Краус ничего не ответил.

На мгновение его лицо стало серьёзнее.

Фил заметил это, но спрашивать не стал.

— Теперь проверим одну вещь, — произнёс ректор.

Фил насторожился.

— Какую?

— Способна ли мышь выполнять простые команды без дополнительной магической подпитки.

Краус нахмурился.

— Ты уверен, что сейчас подходящее время?

— Мы не будем заставлять Филлариона создавать новую связь. Только наблюдать уже существующую.

— Старший лекарь запретил ему использовать магию.

— Я помню.

Альбрехт посмотрел на Фила.

— Если почувствуешь боль, истощение или изменение состояния повреждённого канала, немедленно остановимся. Согласен?

Фил кивнул.

— Да.

Краус добавил:

— И если ты почувствуешь что-то необычное, говори сразу. Не после того, как упадёшь в обморок.

— Хорошо.

Ректор положил перед мышью небольшой деревянный кубик.

— Попроси её обойти предмет.

Фил посмотрел на скелетик.

Обойди.

Мышь послушно обежала кубик.

— Интересно, — пробормотал Альбрехт.

— Теперь останови.

Стой.

Мышь замерла.

— А теперь пусть вернётся к тебе.

Иди сюда.

Мышь побежала к Филу.

Добралась до его ладони.

Забралась на неё.

И немедленно принялась умываться.

Альбрехт сделал несколько записей.

— Команды воспринимаются без словесного оформления. При этом существо сохраняет некоторые привычные поведенческие реакции.

— Например, пытается есть, — заметил Фил.

— Именно.

Краус посмотрел на мышь.

— А если приказать ей сделать что-то, чего обычная мышь не умеет?

Фил задумался.

— Например?

— Построить крепость.

Альбрехт поднял бровь.

— Из чего?

— Из орехов.

Фил невольно улыбнулся.

— Думаю, это слишком сложно.

— Вот и проверим, насколько она умна.

Ректор покачал головой.

— Пока ограничимся простыми действиями. Мы даже не знаем, существует ли у неё самостоятельное мышление.

Фил осторожно погладил маленький череп.

— Она иногда делает что-то без команды.

— Например?

— Пытается спрятаться, исследует предметы, умывается.

— Это может быть сохранённый поведенческий шаблон, — предположил Альбрехт. — Но утверждать наверняка рано.

Краус посмотрел на мышь.

— А что произойдёт, если Фил потеряет сознание?

В кабинете стало тихо.

Фил медленно поднял голову.

Он об этом не думал.

Альбрехт тоже перестал писать.

— Хороший вопрос, — наконец произнёс ректор.

— Проверять не будем, — немедленно сказал Краус.

— Я и не предлагал.

— Ты уже начал выглядеть заинтересованным.

— Краус, иногда ты совершенно невыносим.

— Мне говорили.

Через некоторое время ректор убрал записи.

— На сегодня достаточно.

Фил облегчённо выдохнул.

Он действительно чувствовал лёгкую усталость, хотя не использовал привычных заклинаний.

Усталость подкралась незаметно: сначала захотелось сменить положение руки, потом в пальцах появилось тупое покалывание, а знакомый холод возле запястья стал настойчивее. Фил с досадой осознал, что почти пропустил эти признаки, увлёкшись наблюдением за мышью. Он ведь только что обещал сообщать о любом изменении самочувствия. Пришлось признать неприятную вещь: опасность заключалась не только в неизвестной силе, но и в его привычке забывать об осторожности, когда рядом возникала загадка. Альбрехт заметил это.

— Что-то не так?

— Немного устал.

Краус немедленно выпрямился.

— Насколько?

— Совсем немного.

— Фил.

— Правда.

Ректор достал небольшой диагностический кристалл.

— Дай руку.

Фил протянул ладонь.

Альбрехт провёл короткое обследование.

— Резерв почти не изменился. Но повреждённый участок остаётся чувствительным.

Краус нахмурился.

— Значит, эксперименты прекращаем.

— На сегодня — да, — согласился ректор.

Фил посмотрел на мышь.

— А с ней что делать?

— Наблюдать. Не пытаться создавать новых существ. Не проверять неизвестные заклинания. И, ради всех богов, не приносить её в столовую.

— Почему?

Краус посмотрел на него.

— Потому что не все люди обрадуются, обнаружив скелет мыши в супе.

Фил задумался.

— Справедливо.

После встречи Краус проводил Фила до лечебницы.

Краус шёл неторопливо, слегка перенося вес на здоровую ногу, но тростью пользовался с такой уверенностью, что посторонний едва ли заметил бы усилие. Фил подстраивался под его шаг и вспоминал, как ещё недавно видел в этом человеке прежде всего опасного бывшего инквизитора. Теперь перед ним шёл тот, кто внимательно следил за его состоянием и первым остановил бы очередной рискованный опыт. От этой перемены было неловко: заботу Краус выражал почти исключительно упрёками, однако Фил уже научился различать то, что стояло за ними. Они шли по крытой галерее, соединявшей главный корпус академии с больничным крылом.

За высокими окнами шумел осенний ветер. На внутреннем дворе студенты тренировались создавать защитные барьеры.

Краус некоторое время молчал.

Затем спросил:

— Ты понимаешь, что произошло?

Фил посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Ты получил способность, которой, возможно, никто не владел тысячу лет.

— Я заметил.

— И тебя это не пугает?

Фил задумался.

— Пугает.

— Не похоже.

— Просто если я начну паниковать, ничего не изменится.

Краус тихо усмехнулся.

— Разумно.

Фил помолчал.

— А вас?

— Что?

— Пугает?

Краус посмотрел вперёд.

— Меня больше беспокоит другое.

— Что именно?

— Ты получил эту способность после контакта с моим проклятием.

Фил кивнул.

— Да.

— Мы не знаем, связано ли одно с другим.

— Возможно, связано.

— Возможно. Но пока это только предположение.

Фил посмотрел на свою руку.

— Я всё равно хочу разобраться.

— Знаю.

Они прошли ещё несколько шагов.

Затем Краус неожиданно остановился.

— Фил.

— Да?

— Не думай, что теперь обязан использовать эту силу ради меня.

Фил нахмурился.

— Но…

— Нет. Послушай.

Краус повернулся к нему.

— Ты уже один раз пострадал, пытаясь меня спасти. Я не собираюсь превращать твою жизнь в бесконечную попытку исправить мою.

Фил некоторое время молчал.

— А если я сам этого хочу?

— Тогда сначала выясни, чего именно ты хочешь.

— Помочь вам.

— Это я понял.

— И понять, что со мной произошло.

Краус кивнул.

— Вот со второго и начни.

Фил улыбнулся.

— Хорошо.

Краус посмотрел на него с подозрением.

— Почему мне кажется, что ты опять что-то задумал?

— Потому что вы слишком подозрительный.

— Бывший инквизитор.

— Это многое объясняет.

Тем временем старший лекарь сидел в своём кабинете и изучал старые медицинские отчёты.

Перед ним лежали диагностические карты Крауса. Он сравнивал их с результатами обследований, проведённых до необычного вмешательства Фила.

Картина выглядела противоречивой.

Проклятие действительно почти остановилось.

Но повреждение не исчезло.

Существующие методы лечения не могли объяснить такой результат. Лекарь открыл старый справочник по патологиям магических каналов.

Перелистнул несколько страниц.

Ничего.

Он достал другой том.

Затем третий.

Спустя час на столе образовалась небольшая гора книг.

Лекарь устало потёр переносицу.

— Ну же…

Он вспомнил один случай.

Несколько лет назад в лечебницу поступал маг с необычным повреждением проводящих каналов. Не таким, как у Крауса. Но достаточно странным, чтобы запомниться.

Тогда пациента обследовал приглашённый специалист. Лекарь поднялся.

Подошёл к шкафу с архивными журналами.

Нашёл нужный год.

Перелистнул страницы.

Вот запись.

Пациент поступил.

Осмотр проведён.

Диагностическая карта составлена. Приглашённый специалист подтвердил заключение.

Лекарь нахмурился.

Он хорошо помнил тот случай.

И хотел сравнить результаты.

Но самой диагностической карты в папке не оказалось.

Он проверил соседние документы.

Пусто.

Возможно, её переложили.

Лекарь взял регистрационный журнал.

Номер обследования был указан правильно.

Архивный индекс тоже.

Он снова открыл папку.

Карты не было.

— Странно…

Лекарь позвал архивного помощника.

Через несколько минут в кабинет вошёл худощавый мужчина средних лет.

— Вы звали?

— Да. Найдите мне диагностическую карту по этому номеру.

Помощник посмотрел на запись.

— Сейчас.

Он ушёл.

Вернулся примерно через четверть часа.

— Господин лекарь, в указанной папке документа нет.

— Я уже заметил.

— Возможно, его перенесли в другой раздел.

— Проверьте.

— Конечно.

Лекарь снова посмотрел на журнал.

Обычная архивная ошибка.

Такое случалось.

Документы иногда перекладывали.

Иногда ошибались с индексами. Иногда старые папки отправляли в хранилище раньше положенного срока.

Ничего необычного.

И всё же его беспокоило странное совпадение.

Именно сейчас ему понадобилась старая диагностическая карта. И именно её не оказалось на месте.

На следующий день Фил получил разрешение вернуться к занятиям.

С ограничениями.

Без практической магии.

Без работы с тяжёлыми пациентами. И, как особенно подчеркнул старший лекарь, без самостоятельных попыток спасать человечество.

Фил пообещал соблюдать правила.

После чего отправился в библиотеку. На этот раз он искал сведения о древних школах магии.

Раздел оказался небольшим.

Большинство книг содержало легенды. Истории о некромантах, управлявших армиями мертвецов.

О магах, разговаривавших с духами. О древних царствах, где смерть якобы считалась не концом, а переходом.

Фил быстро понял, что доверять подобным рассказам опасно. В одной книге утверждалось, что некроманты могли превращаться в туман.

В другой — что они не отражались в зеркалах. В третьей — что их невозможно было убить обычным оружием.

Фил посмотрел на собственное отражение в небольшом зеркальце, висевшем между шкафами. Отражение было на месте.

— Уже хорошо, — пробормотал он.

Он перелистнул страницу.

Следующая глава рассказывала о том, что некроманты якобы питались человеческой кровью. Фил закрыл книгу.

— Замечательно. Теперь я ещё и чудовище.

Из внутреннего кармана донёсся тихий стук.

Фил осторожно заглянул внутрь.

Мышь сидела в маленьком тканевом мешочке. Он взял её с собой, потому что не решился оставлять без присмотра.

И теперь начинал подозревать, что это было не самое разумное решение.

— Тихо, — прошептал он.

Мышь замерла.

Фил вернулся к чтению.

Следующая книга оказалась серьёзнее. В ней рассматривались древние магические школы, существовавшие до формирования современных академий.

Автор не утверждал, что некромантия была исключительно злой или запретной. Напротив, он писал, что достоверных сведений сохранилось слишком мало.

Фил заинтересовался.

Он начал читать внимательнее. Согласно книге, некоторые древние маги предполагали существование особых форм магического взаимодействия с остаточными структурами умерших организмов.

Не обязательно с душами.

Не обязательно с разумом. Возможно, с чем-то, что сохранялось после прекращения жизни.

Фил остановился.

Посмотрел на мышь.

Она снова пыталась умываться.

— Остаточные структуры…

Он задумался.

Это хотя бы немного напоминало происходящее.

Но оставался главный вопрос.

Почему именно он?

Почему способность появилась после контакта с проклятием?

И почему обычная целительская магия никак не объясняла случившееся?

Фил перевернул страницу.

И наткнулся на короткую фразу:

«О причинах исчезновения некромантических практик достоверных свидетельств не сохранилось. Последние упоминания относятся приблизительно к тысячелетней давности».

Он перечитал её несколько раз.

Тысяча лет.

Почти столько же, сколько прошло с эпохи, о которой рассказывал ректор. Фил задумался.

Возможно, совпадение.

Но слишком многое в последнее время казалось совпадением.

Вечером Краус снова пришёл в библиотеку.

Он обнаружил Фила за столом, окружённого книгами.

— Ты решил прочитать всё здание?

Фил поднял голову.

— Пока только первый этаж.

Краус сел напротив.

— Как успехи?

— Плохо.

— Прекрасно. Значит, ты ещё не успел совершить ничего опасного.

Фил усмехнулся.

— Я нашёл несколько упоминаний некромантии.

Краус сразу стал серьёзнее.

— И?

— Почти всё похоже на сказки.

— Неудивительно.

— Но есть одна интересная теория.

Фил показал ему страницу.

Краус прочитал несколько строк.

— Остаточные магические структуры?

— Да.

— И что это означает?

— Пока не знаю.

Краус закрыл книгу.

— Тогда не торопись.

Фил вздохнул.

— Все только и говорят, чтобы я не торопился.

— Потому что ты постоянно пытаешься бежать впереди собственных мыслей.

Фил задумался.

— Возможно.

Краус некоторое время смотрел на него.

Затем произнёс:

— У меня есть предложение.

Фил насторожился.

— Какое?

— Я помогу тебе искать сведения о некромантии.

Фил удивился.

— Вы?

— А что тебя смущает?

— Вы же не лекарь.

— Зато умею работать с документами, проверять свидетельства и отличать факты от красивых выдумок.

Фил улыбнулся.

— Это пригодится.

— Кроме того, — продолжил Краус, — мне не нравится, когда вокруг меня происходят странные вещи, а я ничего о них не знаю.

— Вы всегда такой подозрительный?

— Нет.

Фил поднял бровь.

— Правда?

— Иногда хуже.

Они рассмеялись.

Краус протянул руку.

— Договорились?

Фил посмотрел на неё.

Потом пожал.

— Договорились.

И в этот момент маленький скелет мыши высунул голову из кармана Фила. Краус медленно перевёл на него взгляд.

— Ты принёс её в библиотеку?

Фил виновато улыбнулся.

— Она тихая.

Мышь щёлкнула зубами.

Краус закрыл глаза.

— Я даже не буду спрашивать.

Поздно вечером старший лекарь снова получил ответ из архива. Диагностическую карту так и не нашли.

Зато обнаружилась другая странность.

В регистрационном журнале значилось, что копия обследования была направлена в другую лечебницу. Лекарь запросил сведения о передаче.

Ответ оказался неожиданным.

Копия действительно существовала.

Её отправили.

Получение подтвердили.

Но в архиве второй лечебницы документ тоже отсутствовал.

Лекарь долго смотрел на записи. Одна потерянная карта могла быть случайностью.

Две копии одного обследования, исчезнувшие из разных учреждений, уже требовали проверки. Он достал чистый лист.

Записал номер случая.

Дату.

Название второй лечебницы.

И имя приглашённого специалиста.

Магистр Северин Вальд.

Лекарь нахмурился.

Имя было знакомым.

Очень знакомым.

Он вспомнил сухощавого мужчину с седыми висками, который всегда требовал проводить повторные измерения, если результаты отличались хотя бы на несколько делений. Вальд был неудобным человеком.

Спорил с коллегами.

Не терпел небрежности.

И обладал редким талантом замечать ошибки там, где остальные видели совершенно нормальные показатели. Лекарь давно о нём не слышал.

Он отложил перо.

— Интересно, где ты теперь, Северин?..

За окном начинался дождь. А где-то в глубине академии Филларион Майнис пытался убедить маленький скелет мыши, что книги не предназначены для строительства гнёзд.

Ни один из них пока не знал, что исчезнувшая диагностическая карта станет началом расследования, которое выведет далеко за пределы академии.

Глава 7. У мёртвых тоже бывают секреты

Филларион Майнис обнаружил у некромантии существенный недостаток: с тех пор как в его комнате поселилась мёртвая мышь, выспаться стало почти невозможно.

За тонкой перегородкой общежития кто-то переворачивал страницы учебника, в коридоре поскрипывали половицы под шагами запоздалого дежурного, а из неплотно прикрытого окна тянуло сыростью. Академия даже ночью не умела быть совершенно тихой. Фил привык к этому шуму за годы учёбы и обычно засыпал, едва коснувшись подушки. Теперь же любое шуршание заставляло его прислушиваться: в комнате появилось существо, за которое он отвечал, хотя до сих пор не мог объяснить даже самому себе, каким образом удерживает его рядом.

В три часа ночи скелет мыши, по-видимому, счёл человеческое ухо самым интересным предметом в комнате.

— Уйди, — сонно пробормотал Фил.

Мышь не ушла.

Она осторожно забралась на его щёку.

— Я серьёзно.

Маленькие костяные лапки защекотали нос.

Фил чихнул.

Мышь полетела в сторону.

Раздался тихий стук.

Фил резко сел, всматриваясь в темноту.

— Ой.

На полу лежала маленькая кучка косточек. Фил замер и несколько мгновений не мог отвести от неё взгляд. Потом медленно опустился с кровати на холодные доски и протянул руку, боясь, что неосторожным движением окончательно разрушит странное создание.

— Эй?..

Косточки зашевелились: сначала повернулся маленький череп, затем выгнулся позвоночник, а разлетевшиеся лапки одна за другой подтянулись к туловищу. Через несколько секунд мышь уже стояла на четырёх лапках и смотрела на Фила пустыми глазницами.

Фил облегчённо выдохнул.

— Боги, ты меня напугала.

Мышь подняла голову.

— Хотя, наверное, странно говорить это тому, кто уже умер.

Она принялась умываться.

Фил посмотрел на неё с новым интересом.

После падения скелет рассыпался, однако магическая связь не прервалась: кости сами вернулись на место. Фил осторожно поднял мышь на ладонь и проверил холодную нить, тянувшуюся к его собственной магии. Она оставалась неизменной.

— Любопытно…

Фил задумался.

Если кости способны собираться после падения, их удерживает не обычное соединение. Но что именно: запас магической энергии, неизвестная структура или нечто, чего он пока не умеет распознавать?

Он резко остановил себя.

— Нет. Никаких экспериментов.

Мышь щёлкнула зубами.

— Даже маленьких.

Она посмотрела на него.

Фил вздохнул.

— Не смотри так. Это не я придумал правила.

Утром он отправился на занятия.

Впервые за несколько дней Фил чувствовал себя почти обычным студентом. Почти.

Если не считать того, что в его кармане сидело существо, которого не должно было существовать. На лекции по магической физиологии преподаватель рассказывал о центральном ядре.

Аудитория поднималась полукругом от кафедры к высоким окнам, и в утреннем свете пыль на старых скамьях казалась серебряной. На доске висела схема человеческих магических каналов: аккуратные линии сходились к ярко обозначенному ядру, будто все тайны жизни можно было свести к нескольким правильным штрихам. Фил смотрел на рисунок и невольно сравнивал его с ощущением тонкой связи, которую улавливал, когда мышь шевелилась у него в кармане. Ни один из знакомых ему учебников не объяснял, где в этой схеме должно находиться место для существа без живого тела.

— Запомните, — произнёс пожилой маг, постукивая указкой по схеме, — магическое ядро является основным накопителем и распределительным центром энергии. Оно располагается вблизи сердца и связано с сетью проводящих каналов.

Фил внимательно слушал.

— Повреждение отдельных каналов может быть частично или полностью восстановлено при своевременном лечении. Однако полное разрушение центрального ядра приводит к необратимой утрате магических способностей.

Преподаватель обвёл взглядом аудиторию.

— Кто объяснит почему?

Поднялось несколько рук.

Фил тоже поднял свою.

— Майнис.

— Потому что каналы можно восстановить как проводящую структуру, но ядро выполняет другую функцию. Оно не просто передаёт энергию, а обеспечивает её накопление и управление распределением. Если ядро полностью выгорает, существующие методы не способны восстановить его работу.

— Верно.

Преподаватель кивнул.

— Именно поэтому при лечении тяжёлых магических повреждений главная задача — сохранить ядро.

Фил опустил руку.

Он вспомнил Крауса.

Перед глазами вновь возникли тёмное пятно, разрушенные узлы и медленное продвижение проклятия к центру магической сети. Только теперь Фил до конца осознал, насколько опасно положение Крауса.

Пока проклятие находилось в периферийной сети, оставалась возможность бороться. Но если оно достигнет ядра…

Никакая целительская магия не поможет. Даже если он научится восстанавливать повреждённые каналы.

Даже если овладеет некромантией. После полного выгорания ядра вернуть магию будет невозможно.

Фил сжал пальцы.

Значит, нужно успеть раньше.

В кармане что-то зашевелилось.

Он осторожно прижал ткань ладонью.

И тебе тоже лучше вести себя тихо.

Мышь замерла.

После занятий Фил направился в лечебницу. Старший лекарь разрешил ему выполнять несложную работу под наблюдением.

Ему поручили разбирать лекарства, заполнять журналы и помогать при обычных перевязках. К сложным заклинаниям и тем более к проклятиям приближаться запрещалось.

И, как было отдельно подчеркнуто, никаких попыток переписать законы магии до обеда. Фил честно старался соблюдать распоряжения.

Он почти закончил сортировку лекарственных трав, когда в помещение вошёл старший лекарь. В руках тот держал несколько папок.

— Майнис.

— Да?

— Ты закончил?

— Почти.

— Хорошо. После обеда помоги мне перенести архивные журналы.

Фил удивился.

— Архивные?

— Именно.

— Зачем?

— Хочу проверить несколько старых обследований.

Фил заинтересовался.

— Каких?

Лекарь посмотрел на него.

— Медицинских.

— Я понял.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Просто интересно.

Старший лекарь вздохнул.

— Одна диагностическая карта отсутствует на своём месте. Возможно, её неправильно зарегистрировали.

— А какая карта?

— Майнис.

— Да?

— Твоя задача — переносить журналы. Не расследовать судьбу каждого листка бумаги.

Фил виновато улыбнулся.

— Понял.

Лекарь ушёл.

Фил вернулся к травам.

Но мысли уже переключились.

Пропавшая карта старого обследования почему-то не выходила у него из головы. Фил не знал, связано ли это с чем-нибудь серьёзным, но любопытство уже проснулось. Впрочем, старший лекарь был прав.

Архивные ошибки случались постоянно. Не стоило видеть загадку в каждой пропавшей бумаге.

Особенно человеку, у которого в кармане сидела мёртвая мышь. Краус в это время проводил занятие по основам боевой подготовки.

Вернее, наблюдал за ним.

По настоянию лекарей практические демонстрации ему временно запретили. Это обстоятельство чрезвычайно раздражало бывшего инквизитора.

Особенно когда студенты совершали ошибки, которые он мог исправить одним движением.

— Стоп! — рявкнул он.

Два юноши с деревянными мечами замерли.

— Что вы сейчас пытались сделать?

Один из студентов неуверенно ответил:

— Провести атаку с обходом защиты.

— Прекрасно. А почему вы оба оказались спиной к условному противнику?

Студенты переглянулись.

— Мы…

— Решили предоставить ему возможность спокойно вас убить?

Молчание.

Краус тяжело вздохнул.

— Ещё раз. Медленно. Без героизма.

Студенты вернулись на исходные позиции. Краус наблюдал за ними, стараясь не обращать внимания на неприятное покалывание в правой ноге.

Проклятие оставалось почти неподвижным.

Но это не означало, что оно исчезло.

Иногда он чувствовал его присутствие.

Слабое.

Холодное.

Словно внутри магической сети находилось что-то чужое, терпеливо ожидающее подходящего момента. Краус не любил ждать.

Ещё меньше он любил быть беспомощным.

Но сейчас выбора не было.

Он перевёл взгляд на студентов.

— Начали!

Один юноша слишком широко замахнулся. Второй попытался блокировать удар, но потерял равновесие.

Оба рухнули на землю.

Краус закрыл глаза.

— Боги, дайте мне терпения.

— Может, вам стоит попросить ещё и новых студентов? — раздался знакомый голос.

Краус повернулся.

Возле входа во двор стоял Фил.

В руках он держал небольшой свёрток.

— Майнис.

— Добрый день.

— Ты пришёл посмотреть, как гибнет военное искусство?

— Нет. Принёс вам обед.

Краус посмотрел на свёрток.

— Мне?

— Да.

— Зачем?

Фил пожал плечами.

— Вы вчера принесли мне пирожки.

Краус некоторое время молчал.

Затем усмехнулся.

— Значит, теперь мы обмениваемся едой?

— Похоже на то.

— Опасная традиция.

— Почему?

— Однажды кто-нибудь решит, что мы друзья.

Фил улыбнулся.

— А разве нет?

Краус посмотрел на него.

Вопрос прозвучал настолько просто, что бывший инквизитор не сразу нашёл ответ. Потом отвёл взгляд.

— Посмотрим, насколько хорош обед.

Фил рассмеялся.

Они устроились на скамье возле тренировочного двора. В свёртке оказались хлеб, сыр, копчёное мясо и два яблока.

Краус одобрительно кивнул.

— Уже лучше больничной каши.

— Я старался.

— Ты готовил?

— Нет.

— Тогда почему говоришь так, будто совершил подвиг?

— Мне пришлось убедить кухарку выдать дополнительную порцию.

Краус поднял бровь.

— И как?

— Сказал, что вы тяжело больны.

— Очень благородно.

— И что вам необходимо усиленное питание.

— Разумно.

— А потом она спросила, почему вы не приходите сами.

Краус насторожился.

— И что ты ответил?

Фил виновато улыбнулся.

— Что вы слишком упрямый.

Краус медленно отложил хлеб.

— Майнис.

— Да?

— Когда-нибудь твоё чувство юмора станет причиной твоей смерти.

— Мне уже говорили.

Они некоторое время ели молча.

Затем Фил спросил:

— Краус, а вы когда-нибудь занимались расследованиями, связанными с магическими болезнями?

Краус задумался.

— Иногда.

— И как это происходило?

— По-разному. Сначала устанавливаешь факты. Затем проверяешь источники. Потом ищешь противоречия.

— А если фактов мало?

— Тогда не придумываешь недостающие.

Фил кивнул.

— Понятно.

Краус внимательно посмотрел на него.

— Почему спрашиваешь?

— Старший лекарь ищет пропавшую диагностическую карту.

— Пропавшую?

— Возможно, просто неправильно зарегистрированную.

Краус пожал плечами.

— В архивах такое бывает.

— Я тоже так подумал.

— И правильно.

Он откусил яблоко.

— Одна потерянная бумага ещё не преступление.

Фил улыбнулся.

— Вы говорите почти как мой наставник.

— Умный человек.

— Иногда.

Краус посмотрел на него.

— Не говори ему этого.

После обеда Фил помогал переносить архивные журналы. Работа оказалась скучной.

Очень скучной.

Настолько скучной, что он начал подозревать: старший лекарь специально придумал её в качестве наказания. Большие книги были тяжёлыми.

Пыльными.

И совершенно не желали помещаться на полках в правильном порядке. Фил перенёс уже шестую стопку, когда заметил, что старший лекарь внимательно изучает два регистрационных журнала.

— Что-то не так?

— Пока не знаю.

Фил поставил книги.

— Могу помочь?

Лекарь задумался.

— Можешь.

Фил удивился.

Обычно подобные предложения заканчивались отказом.

— Что делать?

— Проверь номера обследований в этом списке. Сравни с архивными индексами. Если найдёшь несоответствие, отметь.

— Хорошо.

Фил сел за соседний стол. Работа требовала внимательности, но не была сложной.

Номер.

Дата.

Имя пациента.

Отделение.

Архивный индекс.

Он проверял запись за записью.

Большинство совпадало.

Иногда встречались исправления.

Иногда номера были написаны неразборчиво.

Но ничего необычного.

Через некоторое время Фил наткнулся на запись, где рядом с номером обследования стояла дополнительная отметка.

— Господин лекарь?

— Что?

— Здесь указана передача копии в другую лечебницу.

— Вижу.

— А рядом стоит подпись приглашённого специалиста.

Лекарь поднял голову.

— Какого?

Фил прочитал имя.

— Северин Вальд.

Старший лекарь медленно отложил перо.

— Покажи.

Фил подвинул журнал.

Лекарь внимательно изучил запись.

Затем открыл другую папку.

Перелистнул несколько страниц.

— Интересно…

Фил нахмурился.

— Что?

— Этот специалист участвовал и в другом обследовании, карту которого мы не можем найти.

— Совпадение?

— Возможно.

Лекарь сделал пометку.

— Пока это ничего не доказывает.

Фил кивнул.

— А кто такой Северин Вальд?

— Магистр-диагност. Специализировался на сложных повреждениях магических каналов.

— Хороший специалист?

— Очень хороший.

— А где он сейчас?

Старший лекарь помолчал.

— Не знаю.

Фил удивился.

— Совсем?

— Несколько лет назад перестал получать от него профессиональные сообщения. Возможно, он ушёл на покой или сменил место работы.

— Можно узнать?

— Можно. Но сначала мы проверим архивные записи.

Фил кивнул.

Он начинал понимать, почему Краус говорил о фактах. Один пропавший документ мог быть случайностью.

Два — тоже.

Общее имя ещё ничего не означало.

Но проверить стоило.

Вечером Фил снова встретился с Краусом.

На этот раз они сидели в небольшой комнате отдыха преподавательского корпуса. Краус принёс несколько старых справочников по истории магических школ.

Фил — свои записи.

Мышь — дурное настроение. Она категорически отказалась сидеть в коробке и теперь пыталась исследовать рукав Крауса.

— Убери её, — произнёс бывший инквизитор.

Фил осторожно протянул руку.

— Иди сюда.

Мышь перебралась к нему.

Краус посмотрел на маленький скелет.

— Я до сих пор не привык.

— К чему?

— К тому, что у тебя в кармане живёт мёртвое животное.

— Технически не живёт.

— Это делает ситуацию ещё хуже.

Фил улыбнулся.

Затем открыл записи.

— Я нашёл несколько интересных упоминаний.

Краус придвинулся ближе.

— Показывай.

Фил указал на страницу.

— В древних источниках некромантию иногда описывают не как управление смертью, а как взаимодействие с остаточными магическими структурами.

— Звучит достаточно расплывчато.

— Именно. Но это хотя бы объясняет, почему мышь сохраняет привычки.

Краус посмотрел на скелетик.

Тот пытался забраться в пустую кружку.

— Или у неё просто отвратительный характер.

— Возможно.

Краус перелистнул страницу.

— А что известно об исчезновении некромантов?

Фил покачал головой.

— Почти ничего.

— Война?

— Неизвестно.

— Преследование?

— Нет достоверных сведений.

— Катастрофа?

— Тоже неизвестно.

Краус откинулся на спинку кресла.

— Замечательно. У нас есть древняя магия, исчезнувшая тысячу лет назад, и ни одного нормального объяснения.

Фил вздохнул.

— Да.

— Прекрасное начало.

Они некоторое время молчали.

Затем Фил неожиданно спросил:

— Краус, а если проклятие и моя новая магия связаны?

Краус посмотрел на него.

— Тогда нам придётся выяснить, каким образом.

— Но ведь это может быть опасно.

— Может.

— И вы всё равно хотите помогать?

Краус усмехнулся.

— Фил, я двадцать семь лет прожил с собственной головой. Поверь, опасные решения мне знакомы.

Фил улыбнулся.

— Это не очень обнадёживает.

— Зато честно.

Он закрыл книгу.

— Давай договоримся об одном.

— О чём?

— Мы не будем считать каждое совпадение доказательством.

Фил кивнул.

— Хорошо.

— И не будем скрывать друг от друга важные вещи.

Фил почувствовал лёгкий укол совести. Он вспомнил, как скрывал от Крауса первые странные ощущения.

— Хорошо.

Краус внимательно посмотрел на него.

— Ты что-то недоговариваешь?

— Нет.

— Фил.

Молодой лекарь вздохнул.

— Я просто боюсь, что снова сделаю что-нибудь глупое.

Краус некоторое время молчал.

Затем неожиданно улыбнулся.

— Это, пожалуй, первое действительно разумное опасение, которое я от тебя услышал.

Фил рассмеялся.

Поздно ночью старший лекарь получил ответ на запрос о магистре Северине Вальде. Письмо пришло из одного из крупных медицинских учреждений королевства.

Лекарь вскрыл конверт.

Прочитал первые строки.

Затем медленно сел.

В письме сообщалось, что магистр Вальд не числится среди действующих сотрудников. Последние официальные сведения о нём относились к периоду четырёхлетней давности.

После этого специалист перестал появляться на профессиональных собраниях. Его прежний адрес больше не использовался.

Текущее местонахождение неизвестно.

Лекарь перечитал письмо.

Затем ещё раз.

Он не стал делать поспешных выводов.

Люди уходили на покой.

Меняли города.

Иногда намеренно прекращали переписку.

Но теперь пропавшие диагностические карты выглядели несколько иначе.

Он открыл журнал.

Нашёл две записи.

Обе относились к обследованиям сложных повреждений магических каналов. В обоих случаях участвовал Северин Вальд. И обе диагностические карты отсутствовали.

Лекарь задумался.

Затем взял чистый лист бумаги.

Написал:

«Проверить все обследования с участием магистра Северина Вальда за последние десять лет».

Он остановился.

Добавил:

«Сначала исключить ошибки регистрации, переноса и хранения». После этого аккуратно сложил письмо.

Убрал его в папку.

И впервые допустил мысль, что перед ним может быть не обычная архивная небрежность. В другом конце академии Фил наконец собирался спать.

Он положил мышь в коробку.

Накрыл её тканью.

Проверил, что крышка закрыта.

Затем лёг.

Несколько минут было тихо.

Фил почти уснул.

Раздался лёгкий стук.

Он открыл один глаз.

Крышка коробки медленно приподнялась.

Показался маленький череп.

Фил вздохнул.

— Нет.

Мышь замерла.

— Сегодня ты спишь там.

Скелетик медленно опустился обратно.

Фил закрыл глаза.

Через несколько секунд послышался новый стук.

— Я серьёзно.

Тишина.

Потом тихий скрежет.

Фил открыл глаза.

Мышь пыталась прогрызть деревянную стенку коробки. Хотя зубы у неё были совершенно целыми, а прогрызть дерево без мышц и слюны оказалось непросто.

Фил посмотрел на неё.

Потом на потолок.

— Боги, дайте мне терпения.

Он помолчал.

— И желательно отдельную комнату для мыши.

В ответ раздалось тихое щёлканье зубов.

Фил накрыл голову подушкой. Он ещё не знал, что впереди его ждут куда более серьёзные проблемы.

Но уже начинал подозревать, что некромантия — это не только древняя и загадочная магия.

Это ещё и огромное количество совершенно непредвиденных бытовых неприятностей.

Глава 8. Следы на пустых страницах

По убеждению Крауса фон Штайна, человек, искренне любящий архивную работу, либо никогда не бывал в настоящем архиве, либо что-то скрывал.

Краус слишком хорошо помнил запах старой бумаги и дешёвых чернил. В инквизиции документы нередко переживали своих составителей, а небрежно поставленная дата могла стоить невиновному человеку свободы. Поэтому его раздражение перед толстыми томами не было одной лишь привычкой ворчать: за каждой неточной записью он видел чужую судьбу, которую потом приходилось восстанавливать по обрывкам показаний. От этого воспоминания больная нога начинала ныть почти так же предсказуемо, как перед дождём. К этому выводу он пришёл ещё во времена службы в королевской инквизиции.

За годы работы ему доводилось расследовать убийства, исчезновения, незаконные магические эксперименты и даже один случай, когда придворный алхимик попытался превратить собственного соседа в домашнюю птицу.

Последнее дело закончилось сравнительно благополучно: сосед остался человеком, алхимик лишился лицензии, а курица, случайно угодившая под действие заклинания, ещё несколько месяцев требовала обращения «ваше превосходительство».

Но даже подобные расследования Краус предпочитал многочасовому изучению архивных документов.

Хуже всего были документы, авторы которых, казалось, считали разборчивый почерк признаком слабости. Поэтому, увидев утром Фила с двумя толстыми книгами под мышкой, Краус сразу заподозрил неприятности.

— Нет.

Фил остановился.

— Что «нет»?

— Что бы ты ни задумал, ответ отрицательный.

— Но я ещё ничего не сказал!

— Именно поэтому у меня остаётся надежда избежать неприятностей.

Фил вошёл, едва не зацепив плечом дверной косяк, и опустил книги на стол. От удара по столешнице поднялось облако пыли; в косом свете из окна оно закружилось над разложенными бумагами. Краус поспешно отодвинул учебный план и посмотрел на принесённые тома с явным неодобрением.

— Ты ограбил библиотеку?

— Взял с разрешения.

— Это неожиданно.

— Очень смешно.

Фил сел напротив.

— Мне нужна ваша помощь.

Краус отложил учебный план.

— Слушаю.

— Я хочу понять, как отличать достоверные старые источники от выдумок.

— Для чего?

— Для некромантии.

Краус посмотрел на дверь.

Убедился, что она закрыта.

— Говори тише.

Фил понизил голос.

— Я нашёл несколько упоминаний древних практик, но они противоречат друг другу.

— Это нормально для старых источников.

— Почему?

— Потому что люди лгут, ошибаются, преувеличивают и пересказывают истории, которых сами не видели. А через несколько сотен лет кто-нибудь записывает их как непреложную истину.

Фил задумался.

— Значит, даже очень старая книга может быть неправильной?

— Особенно старая. Её автор давно умер и уже не ответит на неудобные вопросы.

Фил улыбнулся.

Краус придвинул первую книгу.

— Показывай, что нашёл.

Спустя полчаса стол был завален раскрытыми томами и листами с заметками.

Краус придвинул к себе ближайшую книгу, придерживая корешок ладонью: переплёт рассохся и мог треснуть от неосторожного движения. Фил сидел напротив, вытянув шею к мелким строчкам, и старательно переносил на отдельный лист даты, названия обрядов и имена свидетелей. Чем дольше они работали, тем очевиднее становилось различие между легендой и доказательством. Одни авторы уверенно описывали чудеса, которых не видели; другие сухо фиксировали странности, но не решались объяснить их. Краус требовал не выбирать удобную версию раньше времени, и Фил, как ни хотелось ему найти ответ немедленно, понимал, что наставление справедливо. За окном ветер трепал мокрые ветви; сквозняк под дверью то и дело переворачивал край одного листа, и Краусу приходилось прижимать его тяжёлой чернильницей.

Фил обнаружил описание древнего обряда, якобы позволявшего возвращать умершим движение. Один источник предписывал начертить сложный круг, другой — произнести имя покойного, а третий утверждал, будто для обряда достаточно одной воли мага.

— Последний вариант больше всего похож на то, что произошло с мышью, — заметил Фил.

Краус покачал головой.

— Похож — не значит подтверждён.

— Но ведь совпадение есть.

— Есть. Теперь посмотрим, откуда автор получил сведения.

Он перевернул книгу на первую страницу.

Нашёл имя составителя.

Затем открыл предисловие.

— Вот.

Фил наклонился.

— Что?

— Автор прямо пишет, что собрал народные предания северных областей. Он не видел некромантов и не работал с их записями.

— Значит, источник ненадёжный?

— Для описания реального заклинания — слабый. Для понимания того, что люди рассказывали о некромантах, вполне полезный.

Фил кивнул.

— А если несколько книг повторяют одно и то же?

— Сначала выясни, не переписали ли они это из одной книги.

— А как?

Краус указал на текст.

— Смотри. Здесь говорится, что древний маг поднял сорок семь воинов.

Он открыл второй том.

— А здесь — тоже сорок семь. И та же необычная фраза про железные сердца.

— Может, событие действительно произошло?

— Может. Но если авторы независимо описывали его, детали обычно различались бы. А здесь совпадает даже ошибка в названии города.

Фил пригляделся.

— Действительно.

— Скорее всего, один переписал другого. Или оба пользовались третьим источником.

— Значит, это одно свидетельство, а не два.

Краус одобрительно кивнул.

— Именно.

Фил улыбнулся.

— Вы хороший преподаватель.

— Не говори это моим студентам. Они решат, что я размяк.

— А вы размякли?

— Нет. Просто сегодня ещё никого не пришлось бить деревянным мечом.

Фил рассмеялся.

В это же утро старший лекарь получил ещё две архивные ведомости. Он разложил их на столе.

В первой значилось, что обследование было проведено шесть лет назад. Во второй — восемь.

В обоих случаях пациенты страдали необычными нарушениями магических каналов. В обоих случаях к обследованию привлекался магистр Северин Вальд.

И в обоих случаях диагностические карты отсутствовали на положенных местах. Лекарь медленно провёл пальцем по строкам.

Четыре случая с пропавшими результатами обследований и одно имя, повторявшееся в каждом из них, уже нельзя было списать на обычную архивную небрежность. Требовалась систематическая проверка.

Он вызвал архивного помощника.

— Мне нужны журналы передачи документов за последние десять лет.

Помощник побледнел.

— Все?

— Пока только по сложным магическим повреждениям.

— Господин лекарь, это несколько десятков томов.

— Значит, начнём с нескольких десятков томов.

— Но…

— Если выяснится, что мы просто неправильно расставили папки, я буду очень рад.

Помощник тяжело вздохнул.

— Понял.

Когда тот ушёл, лекарь открыл список обследований. Его интересовало не только исчезновение документов.

Сами случаи тоже выглядели необычно. Повреждения магических каналов встречались достаточно часто.

Перегрузки.

Неудачные заклинания.

Боевые травмы.

Последствия воздействия нестабильных артефактов.

Но пациенты из найденных записей проходили обследование именно потому, что их повреждения не укладывались в привычную картину.

Лекарь задумался.

Неужели Северин Вальд когда-то сталкивался с чем-то похожим на проклятие Крауса?

Возможно.

Но без диагностических карт проверить это было невозможно.

Он взял перо.

Написал запрос в другое медицинское учреждение. Затем ещё один. И ещё.

В каждом письме он просил подтвердить наличие оригиналов или копий конкретных обследований. Никаких обвинений.

Никаких предположений о преступлении.

Только документы.

Если причина заключалась в небрежности, она должна была обнаружиться. Если нет…

Лекарь отложил перо.

О втором варианте пока не хотелось думать. К полудню Краус почувствовал знакомое покалывание в правой ноге.

Сначала слабое.

Затем чуть более настойчивое.

Он остановился посреди коридора.

Прислонился к стене.

Медленно выдохнул.

После вмешательства Фила проклятие почти перестало двигаться. Но иногда напоминало о себе.

Болью.

Слабостью.

Ощущением чужого присутствия внутри собственной магической сети. Краус прикрыл глаза.

Спокойно.

Он давно научился переносить боль.

Во время службы бывало и хуже.

Сломанные кости.

Ожоги.

Порезы.

Однажды ему пришлось три дня идти через горы с пробитым плечом. Но тогда он знал, что рана заживёт.

Теперь уверенности не было.

Он осторожно попробовал пошевелить ногой.

Мышцы слушались.

Боль постепенно ослабевала.

Краус выпрямился.

— Господин фон Штайн?

Он повернулся.

Возле лестницы стоял молодой преподаватель рун.

— Всё в порядке?

— Да.

— Вы побледнели.

— Неудачное освещение.

Преподаватель растерянно посмотрел на ярко освещённый коридор.

— Но…

— Всего доброго.

Краус пошёл дальше.

Он не любил, когда его жалели. Ещё меньше любил, когда за ним наблюдали, ожидая очередного приступа.

И всё же в последнее время подобное случалось всё чаще.

Он свернул к кабинету ректора.

Постучал.

— Входи, — раздался знакомый голос.

Краус открыл дверь.

Альбрехт сидел за столом и пытался починить деревянного дракончика. У того отсутствовало одно крыло.

— Что случилось? — спросил Краус.

Ректор мрачно посмотрел на игрушку.

— Напал на чернильницу.

— И проиграл?

— С позором.

Краус сел.

— Нам нужно поговорить.

Альбрехт сразу отложил дракончика.

— О твоём состоянии?

— В том числе.

— Был приступ?

— Небольшой.

Ректор нахмурился.

— Лекарь знает?

— Пока нет.

— Краус.

— Я сообщу.

Альбрехт некоторое время смотрел на него.

— Ты становишься всё больше похож на своего отца.

— Ты уже говорил.

— Он тоже считал, что любую проблему можно решить, если достаточно упрямо делать вид, будто её не существует.

Краус усмехнулся.

— Не всегда получалось.

— Почти никогда.

Ректор вздохнул.

— Что ещё?

Краус наклонился вперёд.

— Мне нужен доступ к старым медицинским хроникам.

Альбрехт замер.

— Зачем?

— Хочу разобраться, насколько необычно моё проклятие.

— Этим занимаются лекари.

— Я знаю.

— И они обладают необходимыми знаниями.

— Не спорю.

Краус посмотрел ему прямо в глаза.

— Но это моя жизнь, Альбрехт. Я хочу понимать, что со мной происходит.

Старый маг некоторое время молчал.

Затем медленно кивнул.

— Справедливо.

Он поднялся.

Подошёл к шкафу.

Достал небольшую папку.

— У меня есть несколько старых упоминаний повреждений магических каналов.

Краус насторожился.

— Насколько старых?

— Очень.

— Конкретнее.

— Около тысячи лет.

Краус медленно выпрямился.

— Ты уже знал о них?

Альбрехт помолчал.

— Я нашёл сходство недавно.

— И ничего не сказал?

— Сходство не означает, что случаи связаны.

— Это не ответ.

Ректор опустил взгляд.

— Я не хотел давать тебе ложную надежду.

Краус долго смотрел на него.

— Ты снова решаешь за других, какую правду им стоит знать.

Альбрехт устало сел.

— Возможно.

— Не возможно. Именно так.

Некоторое время они молчали.

Затем ректор придвинул папку.

— Вот всё, что у меня есть.

Краус открыл её.

На первой странице находилась копия старого рисунка. Схематическая магическая сеть.

Разрушенные узлы.

Тонкая линия повреждения. Краус почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Похоже.

— Да.

— Это то же самое?

— Не знаю.

Краус поднял глаза.

Альбрехт продолжил:

— В рукописи нет полноценного описания причины. Нет подробных диагностических измерений. Даже имя пациента не сохранилось.

— А лечение?

— Упоминаются попытки замедлить разрушение. Но итоговая часть текста утрачена.

Краус снова посмотрел на рисунок.

— Значит, кто-то сталкивался с подобным тысячу лет назад.

— Возможно, с подобным. Не обязательно с тем же самым.

Краус кивнул.

Он понимал разницу.

Но впервые за долгое время у него появилось ощущение, что болезнь не является совершенно уникальной.

А значит, где-то могли существовать сведения, которых они ещё не нашли.

Вечером Фил сидел в своей комнате и пытался составить список всего, что ему было известно о некромантии.

Получалось не слишком впечатляюще.

Он записал:

Первое. Могу ощущать некоторые мёртвые останки.

Второе. Случайно поднял скелет мыши.

Третье. Мышь выполняет простые команды.

Четвёртое. Иногда действует самостоятельно.

Пятое. После падения способна собрать собственные кости. Фил задумался.

Добавил:

Шестое. Очень любит залезать туда, куда не следует. Посмотрел на запись.

Зачеркнул.

Потом снова написал:

Шестое. Сохраняет привычки, характерные для живого животного.

— Так научнее, — пробормотал он.

Мышь сидела на столе и пыталась стащить кусочек верёвки. Фил осторожно забрал его.

— Не надо.

Мышь щёлкнула зубами.

— И не спорь.

Он снова посмотрел на список.

Главное оставалось неизвестным.

Как именно работала эта магия?

Почему он получил её?

Сколько энергии требовалось для поддержания скелета?

И могла ли она каким-то образом помочь Краусу?

Фил задумался.

Обычная целительская магия воздействовала на живые ткани и магические каналы. Некромантия, судя по всему, взаимодействовала с тем, что оставалось после смерти.

Но между этими двумя явлениями пока не просматривалось никакой очевидной связи.

Он осторожно положил перо.

— Может, я просто пытаюсь связать несвязанные вещи.

Мышь подняла голову.

Фил посмотрел на неё.

— Что?

Она пошевелила хвостом.

— Очень полезный совет.

Он улыбнулся.

Затем вспомнил слова Крауса.

Не придумывай недостающие факты.

Фил взял новый лист.

Написал крупными буквами:

«НЕИЗВЕСТНО — НЕ ЗНАЧИТ ДОКАЗАНО».

Повесил лист над столом.

Полюбовался.

— Вот так.

Мышь попыталась забраться по стене к бумаге.

Фил поймал её.

— И это тоже не трогай.

На следующий день старший лекарь получил первый ответ из другой лечебницы.

Он вскрыл письмо прямо за завтраком.

Прочитал.

Отложил ложку.

Затем перечитал ещё раз.

В письме подтверждалось, что обследование с участием Северина Вальда действительно проводилось. Сохранились регистрационная запись и сведения об оплате работы приглашённого специалиста. Но диагностическая карта отсутствовала.

Архивариус предположил, что документ мог быть передан в центральное хранилище. Старший лекарь взял перо.

Написал уточняющий запрос.

Затем открыл список других случаев. Пока всё ещё существовали вполне обычные объяснения.

Ошибочная передача.

Неправильная регистрация.

Повреждение документов.

Но теперь отсутствующие материалы обнаруживались в нескольких независимых учреждениях.

И это уже нельзя было объяснить одной небрежной уборкой архива. Он задумался.

Затем достал чистый лист и начал составлять таблицу. Дата обследования.

Лечебница.

Пациент.

Тип повреждения.

Приглашённые специалисты.

Наличие диагностической карты. Когда работа была закончена, старший лекарь долго смотрел на результат.

В каждой строке повторялось одно имя.

Северин Вальд.

Лекарь медленно откинулся на спинку кресла.

— Что же ты тогда обнаружил, Северин?..

Тем же вечером Краус снова встретился с Филом. На этот раз он принёс копии древних медицинских записей.

Фил внимательно изучил рисунок магической сети.

— Это очень похоже.

— Альбрехт сказал то же самое.

— Но здесь нет данных о скорости разрушения.

— Нет.

— И неизвестно, что стало с пациентом.

— Тоже нет.

Фил перевернул страницу.

— А это что?

Краус посмотрел на короткую запись.

— Попытка замедлить повреждение.

Фил прочитал текст.

Несколько слов оказались стёрты. Остальные описывали снижение магической нагрузки и применение стабилизирующих воздействий.

— Почти как современные методы, — заметил он.

— Похоже.

Фил нахмурился.

— Но если это действительно тысяча лет назад…

— Что?

— Значит, некоторые способы лечения могли существовать задолго до наших академий.

Краус пожал плечами.

— Старые знания иногда забываются.

Фил задумался.

— Как некромантия.

Краус посмотрел на него.

— Возможно.

Они замолчали.

Затем Фил осторожно спросил:

— А вы думаете, что исчезновение некромантии связано с этим повреждением?

Краус покачал головой.

— Пока у нас нет оснований так считать.

Фил кивнул.

— Да. Вы правы.

Краус усмехнулся.

— Запомни этот момент. Ты только что признал мою правоту.

— Не привыкайте.

Они рассмеялись.

Поздно ночью Краус остался один. Он сидел у окна в своей комнате и рассматривал древнюю схему.

Тысяча лет.

Повреждённые каналы.

Разрушенные узлы.

Неизвестный пациент.

И отсутствие ответа.

Он осторожно коснулся правой ноги.

Проклятие молчало.

Но Краус слишком хорошо знал, что молчание не означает безопасности.

Он вспомнил закрытое поручение Короны.

Тёмный коридор.

Разбитый каменный пол.

Крик человека, которого не успел спасти. И холодное прикосновение, после которого всё началось.

Краус сжал челюсти.

Воспоминания оставались слишком отчётливыми.

Он не любил возвращаться к ним.

Особенно ночью.

Особенно теперь, когда собственное тело постепенно переставало ему подчиняться. Он отложил схему.

Подошёл к письменному столу.

Достал старый кожаный футляр. Внутри лежал небольшой металлический знак королевской инквизиции.

Краус давно не носил его. После добровольного ухода со службы знак перестал давать ему какие-либо полномочия.

Но напоминал о времени, когда у него были люди, ресурсы и законное право задавать неудобные вопросы.

Теперь всего этого не было.

Он закрыл футляр.

Значит, придётся искать ответы иначе.

Краус сел.

Взял чистый лист бумаги.

И написал:

«Что известно о проклятии?»

Ниже перечислил факты.

Затем отдельно — предположения. И наконец — вопросы, на которые пока не было ответов.

Работа заняла почти час.

Когда он закончил, за окном уже начинало светать. Краус посмотрел на записи.

Впервые за долгое время у него появился план. Не идеальный.

Не полный.

Но настоящий.

Он осторожно сложил листы.

Затем усмехнулся.

— Ну что ж, господин фон Штайн. Похоже, старые привычки всё-таки пригодятся.

Где-то вдалеке ударил утренний колокол.

Начинался новый день.

И вместе с ним — расследование, которое пока существовало лишь в виде нескольких вопросов, старой схемы и двух людей, слишком упрямых, чтобы смириться с неизвестностью.

Глава 9. Искусство задавать неправильные вопросы

Филларион Майнис обнаружил ещё одно неприятное свойство некромантии: ожившие останки совершенно не уважали личное пространство своего хозяина.

За последние дни его маленькая комната изменилась почти незаметно. На краю письменного стола появилась коробка с мягкой тканью, рядом с чернильницей лежала отдельная стопка испорченных листов, а самые ценные книги Фил предусмотрительно переставил на верхнюю полку. Ни один из этих предметов не выглядел частью великого магического открытия. Тем не менее именно по ним можно было судить, насколько серьёзно он отнёсся к существу, чьё поведение пока не укладывалось ни в одну известную ему теорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.